

Из какого центра мог поступить стакан в Горгиппию, остается лишь гадать: им мог быть, безусловно, только средиземноморский центр. Согласно Н.З. Куниной, вероятнее всего, эрмитажный экземпляр был завезен с сирийского побережья, но в то же время она не отрицает, что экспортером мог быть и Кипр, что мы считаем вполне возможным. Известно, что этот остров не только вывозил свои изделия из стекла, например в Аквилею, но и оказывал влияние на ее стеклоделие²⁷. Отмечаются находки кипрского стекла и на восточном побережье Адриатики²⁸.

A FRAGMENT OF A GLASS WITH A 1st CENTURY A.D.
INSCRIPTION FROM GORGIPPIA

N.P. Sorokina

The article publishes a fragment of a cylindrical glass amde of yellowish-greenish glass with the remnants of the inscription «ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ» dating to the I c. A.D. The fragment was first found in the Bosporan city of Gorgippia in 1990–1991.

It was discovered among the mass of the broken glass prepared for remelting at the glass-making shop of the city of the mid II c. – first half of the III c.

The analogues of the upper part of the vessel make it possible to identify the object as a glass and determine its place in the glassware of the I c. It belongs to the group of cylindrical glasses with identical or different forms of greetings from workshops of the Syrian coast and Cyprus. In the northern Black Sea region only two glasses with the motto «ΛΑΒΕ ΤΗΝ ΝΕΙΚΗΝ» are known, which makes the glass from Gorgippia extremely valuable. Both vessels might have been imported from Syria, but Cyprus should not be ruled out either.

²⁷ Calvi M. Die römische Gläser. Museum von Aquileia. Associazione Nazionale per Aquileia. 1956. P. 18, 32.

²⁸ Damevski V. Survey of the Types of Glass Vessels from Italic, Gallic, Mediterranean and Rhenish Workshops on the Territory of Croatia during the Roman Empire // Archeološki Vestnik. 1971. XXV. P. 69.

© 1998 г.

С.Ю. Сапрыкин

ХЕРСОНЕССКАЯ ПРОКСЕНИЯ СИНОПЕЙЦУ

В 1981 г. при раскопках в западном районе Херсонеса Таврического на участке «базилика на холме» была обнаружена известняковая плита с текстом декрета, встроенная в стену раннесредневекового склепа. Руководитель раскопок на этом участке городища, С.А. Беляев, нашедший плиту, предварительно датировал декрет концом II – первой половиной III в. н.э.¹ Размеры плиты: ширина – 40 см, высота – 1 м, величина букв колеблется в пределах 0,5–1 см. Надпись состоит из 43 строк, представляющих собой полный текст декрета, нанесена на лицевую гладкую поверхность камня (рис. 1, см. вкл. стр. 64). Поскольку плита использовалась как строительный материал, на ней отчетливо видны повреждения, в результате чего четыре строки текста (сткк. 4–7) почти полностью утрачены, а правая верхняя часть с мотивировкой декрета стерта настолько, что сохранились только начальные слова в сткк. 8–20 и отдельные буквы или их остатки в конце этих строчек (рис. 2а, см. вкл. стр. 64). На оборотной стороне плиты выступают следы подтески, подрезок, выемок для пазов, указывающих на то, что ее подгоняли для использования в качестве детали дверного проема, может быть, порога или ступени (рис. 3). Плита была положена или встроена в склеп так, что сторона с нанесенным на нее текстом оказалась повернутой вовнутрь,

¹ Беляев С.А. О работе херсонесской экспедиции // АО за 1981 г. М., 1983. С. 242. Плита хранится в Москве в Институте археологии РАН.

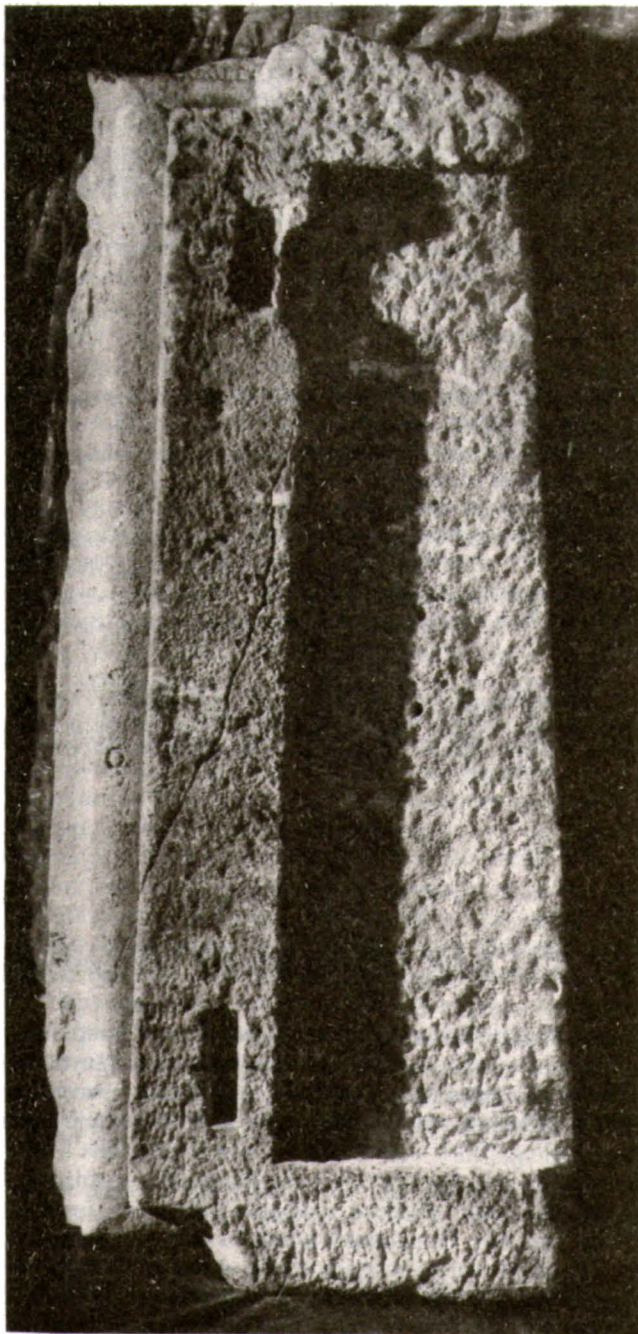

Рис. 3. Обратная сторона плиты с декретом со следами подтески для вторичного использования в качестве строительной детали

и это способствовало удовлетворительной ее сохранности. Первоначально плиту украшал треугольный фронтон, но впоследствии его стесали, очевидно, при закладке в стену склепа и только незначительные его следы остались на обороте камня (рис. 1, 2а, 3).

Для текста надписи характерен большой разброс букв в строках – от 30–31 до

40–42, что объясняется суженностью плиты сверху и некоторым расширением книзу (рис. 26–в). В нижней части сохранность текста несколько лучше, и это дает возможность почти полностью восстановить список членов херсонесского буле, которые приложили печати под постановлением Совета и Народа. В полном виде текст нового херсонесского декрета выглядит следующим образом:

Ἄγαθαὶ τύχαι. 1
 Πρόεδροι Χερσονασειτᾶν τᾶν ποτὶ ταῖ
 Ταυρικᾶι ε[ῖπαν]
 Ἐπειδὴ Γάιος Οὐα[λέριος. . . . Σινωπεὺς πεπό –]
 ατ[αι] 5
 ἀμ]ᾶν [καὶ] διὰ τὰν ἐπιδαμῖαν ἔαυ[τοῦ]
 πέφανεν ἔφ' ἀμ[εῖν] πρόθυμον ἀνήρ ὢν ἀγα–]
 ῥὸς ἐμφυ[ομέναν] αὐτῶι σεμν –]
 οτάτοις κε[χραμένος] ἄθεσιν τὰν τε καλο –] 10
 κάγαθῖαν δε[ίξας.]
 πολλοῦ κατὰ [τὰν πόλιν (?).]
 πολειτᾶν ἀμᾶν [.] νῦν [δ]ὲ διὰ
 τὰν αὐτοῦ παρε[πιδαμῖαν.] τᾶς κα–
 λοκάγαθῖας καὶ [. τ]ῶι δά[μ]ωι, ὁ 15
 φίλος παντὸς δά[μου γεγενηνα]μέν[ος πο]λείτ[α–]
 ς ὁ τὰς ἀμείν ἐργα[σίας τὰ συμφέροντα πράττων.]
 [Δι' ὅ] δ[ε]δόχ[θαι] ταῖ [βουλαῖ καὶ τῶι δάμωι ἐπαινέ–]
 σαι μὲν ἐπὶ τούτοις [Γάιον Οὐ]αλέρι[ο]ν.]
 Σινωπέα, δόμεν δὲ [αὐτῶι] προξενί[αν, πολει–] 20
 τεῖαν, ἔσπλουν τε καὶ ἔκπλουν ἐν εἰράναι καὶ [ἐμ]
 πολέμωι ἀσυλεῖ ἀσπονδεῖ αὐτῶι [καὶ τοῖς] ἐκ–
 γόνοις καὶ χρήμασιν αὐτοῦ, μετοχάν [τε] πάν–
 των τῶν ἐν ταῖ πόλει, ὢν καὶ Χερσονασί–]
 ταις μέτεστιν Ἐὸ δὲ ψάφισμα τοῦ[το ἀν]αγρα– 25
 φῆναι λευκολίθου στάλαι καὶ [θέμεν ἐ]ν τῶ [ι]
 ἐπισαμοτάτῳ τᾶς ἀκροπό[λι]ος [τό]πωι. Ταῦτ–
 α ἔδοξεν β(ο)υλαῖ δάμωι [τῶι Χερσονασιτᾶ]ν
 βασιλευούσας Παρθένου ἕτεος. ἌΡ', ἱερέως δὲ
 Τίτου Φλαοίου Παρθενοκλέους υἱοῦ Τίτου [Φλαου–] 30
 ἰου Παρθενοκλέους, μηνὸς Ἡρακλείου . . . ,
 γραμματεῦντος Τίτου Φλαου(ίου) Παρθενοκλ[έου]ς
 υἱοῦ Φλαοῦ(ου) Νάσωνος Ἐσφραγίσαντο Θεὰ βασίλισσα
 Παρθένος, Τίτος Φλάουιος Παρθενοκλῆς ἱερεὺς
 καὶ πρῶτ(ος) ἄρχων, Ἀπολλώνιος Παρθεν[οκ]λέ– 35
 ους, Τίτ[ο]ς Φλά(ου)ιος Ἀγέπολις Τίτου [Φ]λα[ου](ίου) Ἀρίστων[ος]
 Βοίσκος Ἡροξένου νομοφύλαξ, [Ἡρόξ]ενος Χρηστίων–
 ος, Ἀρίστων Ἀττίνα [πρόδικος], [Βοί]σκος Φιλομού[σου],
 [Ε]ὔμαχος Ἄππα, Χρηστίω[ν] Ἄππα ἄρχων, Ἀντώνι[ος]
 Ἡρακλείδ(α), [Ἄ]πολλών[ιος] Ἡρογείτου, Μ(άρκος) (Ο)ὔλπιος Λάμαχος 40
 ἄρχων, Τίτος Φλάουιος [Πυθ]όδοτος νομοφ[ύ]λαξ, [. . . Πα]–
 τέρωνος νομοφύλαξ, Ἰουλιανός, Φλά(ουιος) Ἀρίστ[ων] [Φ]λ(αοῦ) Ἀρίσ–
 τωνος, Ἀντίλοχος Χρηστίωνος. 43

Перевод:

«С добрым счастьем! Проздры херсонесцев, что в Таврике, предложили! Поскольку Гай Валерий... [синопеец, сделал...] нашего [и во время] своего пребывания

проявил у нас [готовность... будучи мужем] прекрасным [и] свойственную [ему...], занимаясь достойнейшими [делами и] выказав добропорядочность [...] многого в [городе?..] наших граждан [...] и теперь во время своего пребывания [...] добропорядочности и [...] народу, он, будучи другом всего народа, являя собой пример гражданина, [совершает] у нас дела [наилучшим образом].

Да постановит [Совет и Народ] восхвалить за эти дела [Гая] Валерия... синопейца, дать ему проксению, гражданство, право въезда и выезда в мире и войне без разграбления и договора самому и потомкам и имуществу его, участие во всем том в городе, в чем предоставлено участие и херсонеситам. Постановление же это написать на белокаменной плите и выставить на самом видном месте акрополя. Так постановлено Советом и Народом херсонеситов в царствование Девы в 13... году, при жреце Тите Флавии Парфенокле, сыне Тита Флавия Парфенокла, в месяце Гераклии [... дня], при секретаре Совета Тите Флавии Перфенокле, сыне Флавия Насона. Приложили печати: богиня царица Дева, Тит Флавий Парфенокл, жрец и первый архонт, Аполлоний, сын Парфенокла, Тит Флавий Агеполис, сын Тита Флавия Аристана, Боиск, сын Героксена, номофилак, Героксен, сын Хрестиона, Аристон, сын Аттины, [продик?], Боиск, сын Филомуса, Евмах, сын Аппы, Хрестион, сын Аппы, архонт, Антоний, сын Гераклида, Аполлоний, сын Герогита, Марк Ульпий Ламах, архонт, Тит Флавий Пифодот, номофилак, ..., сын Патерона, номофилак, Юлиан, Флавий Аристон, сын Флавия Аристана, Антилох, сын Хрестиона».

Надпись представляет собой обычный для первых веков нашей эры декрет о проксении, принятый по предложению проэдров херсонесцев Советом и Народом в честь некоего Гая Валерия... гражданина южнопонтийского города Синопы, судя по имени римлянина или романизированного грека, наделенного римским гражданством и потому получившего римское имя. К сожалению, сохранились только *граепотеп* и *потеп*, что же до имени собственного или патронимика, то о них что-либо определенное сказать невозможно вследствие повреждения плиты. Можно только высказать предположение, что *согпотеп* или патронимик не превышал по размеру 8–10 букв, а это заставляет думать о греческом происхождении проксена.

Шрифт надписи характерен для первой половины II в. Это лунарные *сигма* и *эпсилон*, курсивные *ню*, *мю*, *лямбда*, выступающие над поверхностью строки верхние окончания боковых глас *ню*, *альфы*, *лямбды*, маленькие кружочки *омикрона* и *теты*. Как близкую параллель можно привести херсонесский проксенический декрет 129/130 г. (IOSPE I². 359), шрифт которого почти целиком идентичен проксении в честь синопейца². Текст публикуемой надписи сохраняет устойчивые формы дорийского диалекта, свойственного херсонесским надписям как минимум до третьей четверти II в., а то и позднее³. Можно отметить лишь незначительное проникновение койнэ, в частности в словах *χρήμασι* (стк. 23) и *ἀναγραφῆναι* (сткк. 25–26), ср. *ἀναγραφᾶμεν* (IOSPE I². 364. стк. 24), а также традиционно устойчивую форму названия месяца *Ἡράκλειος* (стк. 31), в отличие от псевдодоризма *Ἀράκλειος* в декрете в честь гераклеота Диа... 129/130 г. (IOSPE I². 359), где отчество чествуемого фигурирует в форме койнэ – *Διμητρίου*. Из примечательных лингвистических особенностей надписи можно отметить сужение долгого дифтонга *ou > u* в словах *β(ο)υλάι* (стк. 28) и *(Ο)ὔλιος* (стк. 40), а также полное его выпадение в имени *Φά(ου)λιος* (стк. 36). Примечательны элизия, переходящая в красис, в имени *Ἡρακλείδ(α)* перед последующим личным именем *Ἀπολλώνιος* (стк. 40), а также частичный отход от правил силлабического переноса.

² О соотношении шрифтов херсонесских надписей различных эпох см. НЭПХ I. С. 189; II. С. 275.

³ См. *Latyshev V.V. Comm. ad IPE I² 425; Латышев В.В. ПОНТИКА*. СПб., 1909. С. 331; *Тюменев А.И. В.В. Латышев и история Херсонеса //СА. 1958. XXVIII. С. 31*; ср. также *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 58–86; ср. *Виноградов Ю.Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ. 1996. № 1. С. 48–60.

Мотивировочная часть декрета, если судить по сохранившимся словам, состояла из традиционных формулировок, встречающихся во многих проксениях Херсонеса римского времени. Для восстановления наиболее разрушенных первых восьми строк надписи хорошей основой могут стать формулы из мотивировочной части вышеупомянутого декрета в честь гераклеота Диа... [πρότερον τε σεμνῶι κεχ]ραμένος ἄθει τὰν καλο[κάγαθίαν τᾶς ἐπιδαμίας εὐχραστον πέφανεν], они же помогают в восстановлении стк. 10. В качестве близкой аналогии можно привести сткк. 4–5 из проксенического декрета в честь гераклеота Фрасимеда, сына Фрасимеда, сына Сатира (IOSPE I². 357): σεμνὰν τὰν ποθ' ἄμες ἀναστροφὰν τᾶς ἐπιδαμίας πεπόαται; ср. НЭПХ I. 5: ἐπιδαμήσας [εὐγ]νώμονα καὶ [φιλάγαθον ἐπι]δαμίαν ἐπόασατο. Сткк. 6–8 прекрасно согласуются с начальными строками декрета в честь синопского навклера Гая Кая Евтихиана (IOSPE I². 364): ἀνὴρ μαρτυρόμενος μ[ὲν δ]ιὰ τρόπ[ων] καλοκάγαθίαν παρὰ τοῖς [ἐ]οῖς πολεί[ται]ς διὰ τε [τὸ] σέμνον ἄθος; ср. также сткк. 7–10: κ[αὶ παρ'] ἄμες καλῶς ἐπιδαμήσας πρὸς τὸν δ[ᾱ]μον κεχραμένος ἀξίου [ἀ]γάσατο, могущие стать основой для понимания сткк. 6–11 публикуемой надписи. Для сткк. 8–9 см. аналогии в декретах IOSPE I². 366: ἀν[ήρ] ἀγαθός . . .; IOSPE I². 351: ἀνὴρ ἀγαθός; IOSPE I². 367: [. . . ἀγαθὸς ἔστιν ἀ]νὴρ . . .; НЭПХ I. 3: [ἀνὴρ σ]ώφρων Сткк. 9–11 можно дополнить по декретам IOSPE I². 368: . . . ἀνὴρ ἀγαθός, καλ[λίστ]ω καὶ σεμνοτάτῳ κεχραμένο]ς ἄθει καὶ τὰν ἐκ παίδ[ων] καλοκάγαθίαν δείξασ[τ]ὸ πάντων δεδοκίμασ[τ]αι καὶ νῦν τὰν ποθ' ἄμες ἐπ[ι]δαμίαν οἷα φύσει καὶ παιδεύσει εὐγενέστατος ἄριστα π[ρο]ασάμενος πάντα τὰ συμφέροντα]; НЭПХ I. 3: [. . . καὶ τὰν] ἐκ παίδ[ων] καλοκάγαθίαν δείξας]; IOSPE I². 357: [εἰ τι]ς τὰν κα[λ]οκάγαθίαν δείξας σεμνοτάτοις θύμ[ασι]ν ἥ[δ]ετο . . .; IOSPE I². 377: [. . . τὰ]ν ἐνφυτον [αὐτῶι] καλοκάγαθίαν καὶ τὰν τᾶς ψυχᾶς ἀγα[θότητα?]; ср. IOSPE I². 360: τὰν καλοκάγαθίαν γενέσθαι. Стк. 11 можно восстановить по аналогии с клаузулами ольвийских проксений римского времени: IOSPE I². 34. L. 13, 17: προῦνει τῆς πόλεως; ср. IOSPE I². 44: πολλὰ καὶ μεγάλα ἀγαθὰ τῷ δήμῳ κατηνύσατο. Для сткк. 13–15 можно взять за основу IOSPE I². 351: τὰν τε παρεπιδαμίαν εὐσχάμονα καὶ συμ[φ]έρουσαν τῷ δάμῳ πεποίηται (ср. сткк. 4–5 нашего декрета). Стк. 16 находит близкую параллель в надписи IOSPE I². 359. L. 8: γεγενναμέν[ο]ς πολείτας ἄριστα. Заключительная строка всей мотивировки (стк. 17) не расходится с формулировками из IOSPE I². 365. L. 3: [εὐ]νοὺς ὧν διατελεῖ περὶ τὰν πόλιν ἀ[μῶν]; IOSPE I². 359: [πράττ]ων τὰ συμφέροντα ἄμειν διατελεῖ.

Из непричерноморских надписей в качестве аналогии стк. 8 можно привести афинский декрет в честь Асандра из Македонии: "Ἀσανδρον Ἀγαθῶνος Μακεδόνα ἐπαινέσαι ὅτι ἐστὶν ἀνὴρ ἀγαθὸς ἰδίαι"⁴ В стк. 9, возможно, стояло прилагательное двух окончаний ἔμφυτος, -ον, как, например, в декрете в честь Диофанта (Syll.³ 709.15 = IOSPE I². 352.15: τῶν δὲ Σκυθᾶν τὰν ἔμφυτον αὐτοῖς ἀθεσίαν ἐκφανῆ καταστασάντων), однако мы склонны восстановить здесь причастие от глагола ἐμφύω: «быть врожденным, присущим кому-то»⁵. В сткк. 11–12 можно реконструировать περὶ πολλοῦ, поскольку прилагательное в родит. падеже πολλοῦ также засвидетельствовано в Диофантовом декрете⁶, а περὶ очень часто встречается в надписях Мегар и их колоний⁷. Выражение περὶ πολλοῦ сохранилось у Геродота (I. 73) и Ксенофонта (Mem. II. 3. 10): περὶ πολλοῦ ποιεῖσθαι τίνας, где оно обозначает: «хорошо относиться к кому-либо» (LSJ, s.v.). Περὶ с родит. падежом, как указывает Дж. Деннистон, определяет не то, что нечто увеличилось в объеме, а то, что говорящий подчеркивает

⁴ Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. I. P., 1900. № 115.

⁵ LSJ, s.v.; Pérez Molina M.E. Index verborum in inscriptionibus Megarae et coloniarum. Hildesheim – Zürich – New York, 1991. P. 121.

⁶ Ibid. P. 309.

⁷ Ibid. P. 298.

этим исключительность других вещей, некоторую отличительную особенность данной вещи или явления⁸. Данное объяснение вполне подходит к указанной строке декрета, где выражено стремление показать исключительную заботу чествуемого о городе и гражданах и этим обосновать его право на проксению. Причастие κεχραμένος с дат. падежом в сткк. 9–10 вполне естественно, так как глагол (ката)χράομαι, от которого оно образовано, в значении «использовать», «проявлять» требует, как правило, датива и редко аккумулятива⁹. Лакуну в стк. 13 можно с полным правом заполнить глаголом ἐποίησато в значении «сделал», «позаботился» и т.п., поскольку он очень часто встречается в надписях Мегар (ср., например, IG VII. 21. 10. 20) и Херсонеса Таврического¹⁰.

Что касается пробулевматических формул декрета: Πρόεδροι Χερσονασειτῶν τῶν ποτὶ τῆι Ταυρικῆι εἶπαν; δεδόχθαι τῆι βουλῆι καὶ τῶι δᾶμωι, то они традиционны для Херсонеса и засвидетельствованы практически во всех почетных декретах первых веков нашей эры. Первая из них появилась, вероятно, после некоторого реформирования государственного строя полиса в первые годы принципата Августа в связи с введением датировки по эре царствования Девы¹¹, а вторая, помимо Херсонеса и Ольвии, засвидетельствована на Родосе, в Пергаме, Сесте, Сикионе, Тенедосе, Теосе и, что особенно любопытно, в Эгосфенах, расположенных в Мегариде, прародине херсонесцев. Подобная формула характерна в основном для римской эпохи¹².

Учитывая повторяющуюся в различных сочетаниях лексику декретов, мы с большой долей осторожности готовы предложить следующее возможное восстановление сткк. 10–13:

[.]	9
οτάτοις κε[χραμένος ἄθεσιν τᾶν τε καλο–]	10
κάγαθίαν δε[ίξας καλλιστάτοις θύμασιν περὶ]	11
πολλοῦ κατὰ [τᾶν πόλιν ἕνα ἕκαστον τᾶν]	12
πολειτῶν ἁμᾶν [ἐποίησато καὶ] νῦν [δ]ὲ διὰ	13
τᾶν αὐτοῦ παρε[πιδαμῆαν]	14

«... совершая прекраснейшие поступки и выказав добропорядочность самыми пышными жертвами, проявил высокое уважение в городе к каждому из граждан наших в отдельности, и ныне, во время своего пребывания...». По аналогии с декретом IOSPE I². 364 в честь Гая Кая Евтихиана (сткк. 14–17: καὶ ἐ/παίνεσαντων τῶν προ[χό]ντων τὴν τάνδρος [ἀρε]/τᾶν κατὰ ἕνα ἕκαστον τῶ[ν] πολειτῶν καὶ τᾶν π[οτὶ] /τᾶν πόλιν σπουδάν . . . – «и власти похвалили добродетель мужа по отношению к каждому отдельному лицу из граждан и старание и благосклонную любовь к городу...») стк. 12 нашего декрета можно было бы реконструировать и так: [. . . . περὶ] πολλοῦ κατὰ[λύτας (?) καὶ ἕνα ἕκαστον τᾶν] πολειτῶν ἁμᾶν [ἐποίησато . . .] – «...оказал высокое почтение приезжающим в город и каждому из наших граждан...» (о значении слова катаλύτης как «путешественник», «приезжий», «гость», см. Polyb. II. 15. 6; Plut. Sulla. 25).

Таким образом, лексика проксении Гая Валерия... мало отличается от стандартных формул декретов Херсонеса Таврического. Отсутствие указаний на деятельность чествуемого (во всяком случае в сохранившейся части надписи) заставляет полагать, что он не занимал высоких военных или административных постов, удостоившись

⁸ Denniston J.D. The Greek Particles. Oxf., 1966. P. 482; примеры см. Blass F., Debrunner A. Grammatik des neutestamentischen Griechischen. Göttingen, 1979. S. 184. § 229.

⁹ Chadwick J. Lexicographica graeca. Contributions to the Lexicography of Ancient Greek. Oxf., 1996. P. 175.

¹⁰ Pérez Molina. Op. cit. P. 309.

¹¹ Rhodes P.J. The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 206 сл.: существует точка зрения, что реформы государственного строя в Херсонесе в 25 г. до н.э. как таковой не было, а богиня Дева считалась лишь почетным магистратом (Кидеев В.И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИА. 1976. 145. С. 9–13).

¹² По мнению Х. Свободы, проэдры являлись председателями Совета и Народного собрания (Swoboda H. Die griechischen Volkbeschlüsse. Lpz., 1890. S. 57, 181).

проксении, видимо, за торговые дела, которые в течение длительного времени вел в городе. Нельзя исключить, что он, подобно вышеупомянутому Гаю Каю Евтихиану, своему компатриоту, являлся навклером или кибернетом, не раз плававшим в Таврику по коммерческим делам.

К сожалению, труднее обстоит дело с определением даты декрета. Цифровое обозначение даты состояло из трех букв, из которых левая буква-цифра практически утрачена, так как на ее месте осталась лишь выбоина, две другие буквы сохранились и позволяют заключить, что дата декрета по херсонесской эре укладывается в пределы 130-х годов, при этом написание даты дано не слева направо, как на большей части декретов Херсонеса, а наоборот, справа налево. Подобная манера довольно часто встречается в различных частях греческого мира, включая и Северное Причерноморье, в частности Боспор и Херсонес Таврический (см. КБН. 1123; 1124 и др.). На камне читаются $\cdot\text{IP}' = 13\cdot$ г. х.э. В выбоину от третьей буквы-цифры вполне могут укладываться: А-1, В-2, Г-3, Е-5, Н-8, гораздо меньше вероятности того, что там могли стоять *дельта* – 4, *стигма* – 6 и *дзета* – 7. В таком случае возможная дата декрета ложится в пределы 131–138 гг. х.э., что будет соответствовать 106/7–113/4 гг. н.э. А это значит, что в любом случае наш декрет является одним из самых ранних, принятых в римское время херсонесским Советом в честь граждан других полисов.

Для просопографии Херсонеса II в. огромное значение имеет список булевтов, позволяющий проследить не только служебную карьеру отдельных лиц из числа знатной городской верхушки, но и их родственные связи. Публикуемая проксения – пятый по счету датированный декрет из Херсонеса Таврического II в. Сохранилась средняя часть проксенического декрета 179 г. х.э. = 154 г. н.э.¹³ Известны также проксении в честь граждан Гераклеи Понтийской Диа... сына Деметрия, от 154 г. х.э. = 129–130 г. н.э. (см. выше) и Папия, сына Гераклеона, от 155 г. х.э. = 130–131 г. н.э.¹⁴, а кроме того, большой декрет в честь прокуратора провинции Нижняя Мезия Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида и его жены Аврелии Паулины от 198 г. х.э. = 173–174 г. н.э.¹⁵ Декрет в честь синопейца Гая Валерия... – самый ранний из всех, поскольку был принят еще при императоре Траяне (отголоском чего является римское имя «Марк Ульпий» у одного из архонтов) в 114 (?) г. в месяце *гераклии*.

Этот месяц встречается в херсонесских надписях уже в третий раз (ср. IOSPE I². 359; 402). По общепринятому мнению, он был заимствован из календаря метрополии Херсонеса Гераклеи Понтийской как месяц, связанный с празднованием Гераклий в честь мифического предка и покровителя дорийцев, основателя Гераклеи – Геракла, весьма почитаемого в дорийских колониях героя¹⁶. Однако в календарях полисов мегарского происхождения Византия, Калхедона и Каллатиса он отсутствует (хотя ни календарь Калхедона, ни счисление месяцев в Каллатисе нам полностью не известны). Этот месяц между тем фигурирует в календаре Дельф и ряда малоазийских полисов как одиннадцатый календарный месяц, приходясь на май-июнь, поскольку первый месяц дельфийского календаря *апеллий* падал на июль–август по афинскому

¹³ В предварительной тезисной публикации мы датировали декрет 104–105 гг., ошибочно насчитав в списке «приложивших печать» 21 булевта, в том числе двух номофилаков (*Сапрыкин С.Ю.* Херсонесская проксения синопейца // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 109). Более внимательное исследование надписи убедило нас, что ее датировка несколько шире, так как остатки Λ видны в выбоине на камне, а количество «приложивших печати» равняется 18, в числе коих не два, а традиционно три номофилака. См. *Соломоник Э.И.* Греческие надписи Херсонеса // ВДИ. 1996. № 4. С. 47.

¹⁴ *Суров Е.Г.* Новая херсонесская надпись // ВДИ. 1960. № 3. С. 155.

¹⁵ *Антонова, Яйленко.* Ук. соч. Ср. *Виноградов.* Новое документальное досье...

¹⁶ *Hanell K.* Megarische Studien. Lund, 1934. S. 202; *Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38 сл.; *Столба В.Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55–70; *Ророва Е., Kovalenko S.* On the Cult of Herakles in the North-Western Crimea: Recent Finds from the Chaika Settlement // Colloquia Pontica I. 1996. P. 63–71.

календарю, где ему соответствовал месяц *гекатомбеон*¹⁷. Херсонесская эра начиналась в марте-апреле 24 г. до н.э.¹⁸ или в марте-апреле 25 г. до н.э.¹⁹, следовательно, и календарь этого полиса должен вести отсчет месяцев с марта-апреля²⁰. К сожалению, точная последовательность месяцев в календаре Херсонеса неизвестна, считается лишь, что месяц *евклея*, засвидетельствованный и в Византии, приходится на февраль и является последним месяцем календаря²¹. Месяц *апеллий* известен в Каллатисе и Калхедоне, поэтому резонно, как это делает Э.И. Соломоник, ожидать его в календарях Гераклеи Понтийской и Херсонеса²². А поскольку в календарях двух последних полисов встречается месяц *гераклий*, известный также в Дельфах, где тот же *апеллий* был первым месяцем года, то мы вряд ли ошибемся в предположении, что в Херсонесе и Гераклее месяц *гераклий* мог быть, как и в Дельфах, предпоследним месяцем года. Но в отличие от священного полиса в Элладе, где он приходился на май-июнь, в причерноморских дорийских колониях, в которых календарный год начинался в марте-апреле, он должен был соответствовать январю. Этот вывод косвенно подтверждается тем, что в Вифинии, где местный календарь и последовательность исчисления месяцев приспособлялись к солнечному году после введения там юлианского календаря, также встречается месяц *гераклий*, первый день которого приходился на 24 января²³. Так как Гераклея Понтийская, в календаре которой имелся этот месяц, попавший затем в календарь ее колонии Херсонеса Таврического²⁴, могла оказать определенное влияние на календарь Вифинии, то месяц *гераклий* и у херсонеситов, и у гераклеотов тоже мог соответствовать январю. Таким образом, проксенический декрет в честь Гая Валерия... скорее всего был принят в январе 114(?) г.

Мы располагаем сейчас серией декретов с именами членов Совета и должностных лиц, растянутой на 60 лет. В свое время В.В. Латышев составил стемму родов некоторых видных деятелей херсонесского полиса римского времени, впоследствии уточненную Э.И. Соломоник по опубликованным ею фрагментам декретов НЭПХ II. 112 и 113 в честь неизвестных лиц²⁵. Однако составленные ею генеалогические таблицы и списки *cursus honorum* некоторых знатных херсонеситов II в. потеряли научное значение после того, как было установлено, что воссоединенный ею с декретом НЭПХ II. 112 фрагмент надписи, опубликованный А.К. Тахтаем²⁶, принадлежит на самом деле совсем другой надписи²⁷. Поэтому в настоящее время появилась необходи-

¹⁷ Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 16.

¹⁸ Бертъе-Делагард А.Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. 1893. 16. С. 60; Анохин В.А. О начале эры Херсонеса Таврического // НСФ. 1963. 1. С. 75. Ср. Кадеев В.И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИА. 1976. 145. С. 9; Leschhorn W. Antike Ägen. Stuttgart, 1993. S. 64–72, 457 – оба автора начало эры обтекаемо датируют 25/24 г. до н.э.

¹⁹ Карышковский П.О. Об эре Херсонеса Таврического // КСОАМ. 1961. С. 108–110.

²⁰ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 70.

²¹ Sammel A.E. Greek and Roman Chronology. München, 1972. P. 79; Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 69 сл.; ср. Hanell. Op. cit. S. 200: в Византии месяц *евклея* соответствовал марту.

²² Hanell. Op. cit. S. 190; Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 139.

²³ Hanell. Op. cit. S. 192; Бикерман. Ук. соч. С. 45.

²⁴ Hanell. Op. cit. S. 192, 202; Суров. Новая херсонесская надпись. С. 156; Лисовий I.A. До декрету на честь Папия з Херсонесу // Іноземна філологія. 1972. 28. № 10. С. 36; Соломоник. Некоторые группы... С. 139–141.

²⁵ Latyshev. Op. cit. P. 323; Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1915. 58. С. 28–34; НЭПХ II. С. 40.

²⁶ Тахтай А.К. Новая надпись из Херсонеса Таврического // КСИИМК. 1947. XV. С. 58–62; ср. НЭПХ II. 112. С. 21–23.

²⁷ Виноградов Ю.Г. Дорийские филы в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1993. № 4. С. 61–64; Сапрыкин С.Ю. Херсонесская буле // Археология. 1995. № 1. С. 80–82; см. также Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 67. Прим. 52. С этой точкой зрения согласилась и сама Э.И. Соломоник (Греческие надписи... С. 53).

мость провести повторный анализ генеалогии и служебной карьеры ряда лиц, упоминаемых в различных декретах и их фрагментах, учитывая при этом хронологию теперь уже четырех твердо датированных надписей II в. Попытаемся сделать это применительно к булевам, имена которых упоминаются в декрете в честь Гая Валерия...

Начнем с Тита Флавия Парфенокла, сына Тита Флавия Парфенокла, жреца богини Девы и первого архонта, засвидетельствованного в датировочной части декрета и среди поставивших печати под постановлением Совета и Народа (сткк. 29–30, 34–35). Это имя широко известно в херсонесском ономастиконе: еще во II в. до н.э. должность номофилака замещал Ἀπολλῳιος Παρθενοκλέος (IOSPE I². 351), отчество которого приводится по классическим дорийским канонам диалекта с окончанием родит. падежа на -είος существительных и личных имен на -κλῆς, в то время как с первых веков нашей эры получила устойчивое распространение уже подвзвращающая влиянию койнэ форма окончаний -κλῆς > -κλέους. Парфенокл, сын Проклиона, фигурирует в одной из надгробных надписей Херсонеса (IOSPE I². 485). Тит Флавий Парфенокл, сын Флавия Парфенокла, скорее всего идентичный первому архонту и жрецу из декрета в честь Гая Валерия... назван мужем Лаодики, дочери Героксена, и удостоился постановки статуи (IOSPE I². 431). Тит Флавий Парфенокл (сын Флавия Парфенокла?) попал в список «приложивших печать» в конце второго ряда булеветов на фрагменте декрета IOSPE I². 363. Если справедливо восстановление В.В. Латышева, то это все одно и то же лицо. Хотя в последнем случае возможен и патронимик «сын Флавия Насона», но об этом ниже. То же самое можно сказать и о надписи IOSPE I² 385; здесь вероятны два варианта – либо [Τ. Φλάουλος Παρθ]ενοκλής υἰὸς [Φλαοῦλος Παρθενοκλέους] либо ...υἰὸς [Φλαοῦλου Νάσωνος]. Тит Флавий Парфенокл упоминается также в IOSPE I². 702 как член буле, скрепивший печатью декрет во втором ряду; очевидно, это то же самое лицо, которое известно по надписи IOSPE I². 363. В «номенклатурном» списке булеветов, датируемом ок. 140 г., Тит Флавий Парфенокл также поставлен во второй ряд (НЭПХ II. 112). Это дает право видеть в нем того же Тита Флавия Парфенокла, сына Флавия Парфенокла, что и в надписях IOSPE I². 363; 702. Во фрагменте декрета со списком «приложивших печать», опубликованном А.К. Тахтаем, с большой долей вероятности восстанавливается [Τ. Φλάουλος Παρθενοκλή]ς υἰὸς Φλαοῦλου Παρθενοκλέ[ου]ς...]²⁸ и в нем можно усматривать того же херсонесита, но на начальном или заключительном этапе государственной карьеры. В декрете НЭПХ II. 113 в начале первого ряда булеветов Э.И. Соломоник восстанавливает имя [Τ.] Φλ. Παρθενοκλής υἰὸς [Φλ. Νάσωμος (?), πρῶτος ἄρχων], хотя и здесь нельзя исключить отчество «сын Флавия Парфенокла».

Как следует из публикуемого декрета, в Херсонесе во II в. среди государственных мужей засвидетельствован Тит Флавий Парфенокл, сын Флавия Насона, секретарь Совета (сткк. 32–33). Он же фигурирует и в проксеническом декрете 129/130 г. в первом ряду «поставивших печать» в сопровождении непонятого пока титула или должности ΟΧΟΡΙΟΥΣ. В.В. Латышев, смущенный этим обстоятельством, а также и тем, что имя «Насон» ранее в Херсонесе не встречалось, предложил видеть в этой строке надписи ошибку резчика и читать патронимик Парфенокла как «сын Тита Флавия Парфенокла» (IOSPE I². 359. Р. 323)²⁹. Однако имя Тита Флавия Ксанфа, сына Насона, жреца, в найденном позднее декрете в честь гераклеота Папия от 130/131 г. позволило Э.И. Соломоник отказаться от предположения В.В. Латышева и с полным правом заключить, что Тит Флавий Ксанф из декрета в честь Папия и Тит Флавий Парфенокл из первого ряда булеветов в декрете в честь Диа... имели одного и того же отца – Тита Флавия Насона, т.е. они были родными братьями. Поэтому в Тите Флавии Парфенокле из упоминавшихся выше надписей, в которых его отчество утрачено, вполне можно видеть человека, являвшегося грамматевсом Совета, когда в 114 (?) г. принимался декрет в честь Гая Валерия... Мы вряд ли ошибемся в пред-

²⁸ Тахтаев. Ук. соч. С. 58–62; см. также Виноградов. Дорийские филы... С. 62. Рис. 1.

²⁹ Latushev. Op. cit. P. 323; см. также НЭПХ II. 112. С. 35.

положении, что Тит Флавий Парфенокл и Тит Флавий Насон могли получить римское гражданство при Флавиях и с тех пор, а может быть и раньше, стали родоначальниками двух ветвей семьи знатных граждан Херсонеса, занимавших попеременно ведущие должности в Совете в конце I–II в.³⁰

К сожалению, нельзя с уверенностью сказать, к какой из этих двух ветвей принадлежал номофилак Флавий Парфенокл из декрета в честь Аполлониды 174 г., поскольку его имя стоит там без отчества³¹. Мы, однако, склоняемся считать его внуком Тита Флавия Парфенокла и сыном Тита Флавия Парфенокла, жреца и первого архонта в декрете в честь Гая Валерия... Ведь в херсонесских знатных семьях внуки по обыкновению носили имена дедов. Если бы Т. Флавий Парфенокл из декрета 174 г. принадлежал к роду Т. Флавия Насона, то он носил бы его имя, а поскольку он все же именовался Парфеноклом, то в таком случае это скорее всего внук Тита Флавия Парфенокла, отца одноименного первого архонта и жреца 114 г. Нельзя, правда, исключить и то, что у Флавия Насона и Флавия Парфенокла, двух родоначальников знатных семей херсонесских граждан, был один общий предок, возможно, даже один отец, что может делать их родными братьями. Учитывая это, попробуем проследить ступени государственной карьеры обоих.

Будучи жрецом богини Девы и председателем коллегии архонтов в 114 (?) г., Тит Флавий Парфенокл уже не входил в состав херсонесского Совета ни в 129/130 г., ни в 130/131 г. Но в недатированных списках «приложивших печати», в которых можно восстановить имя и другого Парфенокла – сына Флавия Насона, но где мы будем условно считать его все же «сыном Тита Флавия Парфенокла», он попеременно занимает места в первом ряду членов буле (IOSPE I². 385), во втором ряду (IOSPE I². 702; 363 = НЭПХ II. 112), в третьем ряду (Тахтай. КСИИМК. 1947. XV. С. 58), и только в декрете НЭПХ II. 113 он опять фигурирует в первом ряду как первый архонт. Э.И. Соломоник отнесла надписи НЭПХ II. 112 и 113 к периоду ок. 140 г. или чуть более позднему, но ввиду отсутствия имени Парфенокла в списках булевтов в 129–131 гг. это маловероятно. Вряд ли Тита Флавия Парфенокла, сына Флавия Парфенокла, бывшего в свое время верховным жрецом Девы и председателем коллегии архонтов, а затем какое-то время в Совет не избиравшегося, опять избрали в буле сначала в третий ряд, затем передвинули во второй и, наконец, в первый, сделав снова первым архонтом, т.е. заставив пройти все ступени служебной карьеры, до этого им уже пройденные. Поэтому остается допустить, что фрагменты декретов, в которых упомянут Т.Фл. Парфенокл, сын Т.Фл. Парфенокла, датируются либо ранее проксении Гая Валерия..., что вряд ли возможно, либо должны уместиться между 114 (?) г. и 129/131 г., после чего он выбыл из числа булевтов, надо полагать, по возрасту. Возможно, примерно к этому времени относятся смерть его супруги Лаодики (IOSPE I². 431) и его отход от государственных дел. Если это так, то в 114/115 г., став первым архонтом и жрецом-эпонимом, он получил право сначала ставить печать в Совете за Деву, затем за себя как первого из булевтов (что засвидетельствовано декретом в честь синопейца Гая Валерия... и надписью НЭПХ II. 113, очевидно, поэтому близкими друг другу по времени). В последующие годы, переизбравшись с должности первого архонта и завершив свое жречество, он входил в Совет уже как обычный гражданин, однако в силу былых заслуг занимал там место сначала в первом ряду «приложивших печать», затем перешел во второй ряд, со временем даже будучи оттесненным в самый конец его (см. НЭПХ II. 112 = IOSPE I². 363), и в итоге оказался в последнем, третьем ряду. Затем около 129 г. он вообще вышел из состава буле и через какое-то время, очевидно, умер. После смерти его отца и матери Лаодики на государственную службу пришел их сын Т.Фл. Парфенокл, бывший в 173/174 г. номофилаком.

³⁰ НЭПХ II. С. 40; Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 104; Суров Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 55; Кадева. Херсонес Таврический... С. 66 сл.; Зубарь В.М. Херсонес Таврический. Киев, 1997. С. 75.

³¹ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 83 (стк. 40 декрета); Виноградов. Новое документальное досье... С. 56.

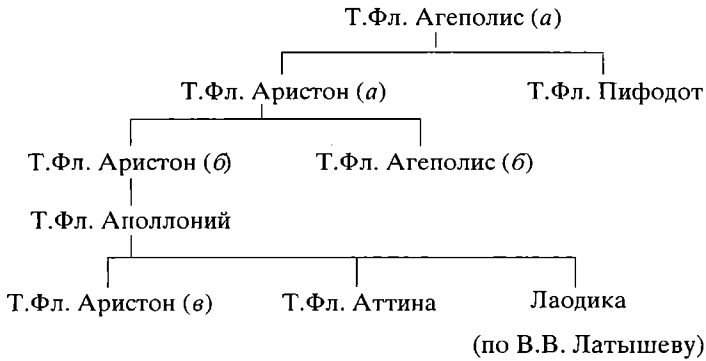
Теперь наметим этапы карьеры Т.Фл. Парфенокла, сына Фл. Насона. В 114 (?) г. он выполнял обязанности секретаря Совета, в 129/130 г. ставил печать в первом ряду булевтов (IOSPE I². 359), а в следующем году вообще не попал в состав буле. Вместо него в Совете, согласно декрету 130/131 г., заседал его брат – жрец богини Девы Тит Флавий Ксанф, не имевший, правда, права прилагать печать под постановлением Совета и Народного собрания. Если следовать Э.И. Соломоник, то ок. 140/150 г. Т.Фл. Парфенокл, сын Фл. Насона, сначала мог быть булевтом во втором ряду (НЭПХ II. 112), а затем вскоре стал первым архонтом с правом прилагать печать в первом ряду (НЭПХ II. 113). Во фрагменте декрета, опубликованном А.К. Тахтаем (ук. соч., с. 58), засвидетельствован секретарь Совета «..., сын Тита Флавия Насона», имя которого либо Тит Флавий Парфенокл, либо Тит Флавий Ксанф. В 173/174 г. Фл. Насон, очевидно сын Т.Фл. Парфенокла, сына Т.Фл. Насона, замещал должность второго архонта и ставил печать во втором ряду. Если заменить отчество Т.Фл. Парфенокла в надписях IOSPE I². 363, 385, 702 на «сын Тита Флавия Насона», то получится, что он занимал место во втором ряду «приложивших печать». Тогда вырисовывается следующая картина: в 114 (?) г. Т.Фл. Парфенокл, сын Т.Фл. Насона, секретарь Совета, не имел права ставить печать под постановления, но в 129/130 г., сложив с себя обязанности грамматеса, он остался членом буле с правом прилагать печать в первом ряду, а вскоре получил должность первого архонта и возможность ставить печать уже в первом почетном ряду булевтов. Однако такая чехарда с должностями вряд ли возможна. Согласно установленному по надписям Херсонеса правилу, первый архонт, ставивший печать в предыдущем году в первом ряду булевтов, в следующем году (и видимо, в течение нескольких последующих лет), по традиции переизбирившийся с должности председателя коллеги архонтов, оставался в списке «приложивших печать» в первом ряду (ср. НЭПХ II, табл. на с. 28 сл.). В таком случае, надписи IOSPE I². 385 и НЭПХ II. 113 должны предшествовать декрету 129/130 г., а надписи НЭПХ II. 112 = IOSPE I². 361 + 363, 702 должны были появиться еще раньше. Тогда очерчивается такой порядок в карьере Т.Фл. Парфенокла, сына Фл. Насона: секретарь Совета, булевт во втором ряду с правом ставить печать, первый архонт и булевт в первом ряду, булевт и ὁ χόριος с правом прилагать печать в первом ряду, после чего он вообще исчезает из списков магистратов и булевтов Херсонеса. И лишь во второй половине столетия на государственную службу приходит его сын Т.Фл. Насон, ставший вторым архонтом в 173/174 г., сохранив традицию, характерную для семьи и Т.Фл. Парфенокла, сына Фл. Парфенокла. Это косвенно подтверждает близость двух ветвей одной большой семьи знатных херсонесских граждан. Но такой порядок в карьере Т.Фл. Парфенокла, сына Фл. Насона, и Т.Фл. Парфенокла, сына Фл. Парфенокла, все же предположительный, поскольку в надписях IOSPE I². 385, 702, 363 = НЭПХ II. 112, 113 возможны восстановления как отчества Т.Фл. Насона, так и Т.Фл. Парфенокла, а в декрете (Тахтаем, ук. соч., с. 58) можно предполагать имя Т.Фл. Парфенокла или Т.Фл. Ксанфа. Бесспорно одно: надписи IOSPE I². 361 + 363 = НЭПХ II. 112, 113 при обоих вариантах восстановления патронимиков должны относиться к периоду от 114 (?) г. до 129/130 г. Какой-то Парфенокл, возможно представитель этой же семьи, засвидетельствован в небольшом фрагменте посвящения Деве³².

Следующим в списке «приложивших печать» после Т.Фл. Парфенокла, сына Фл. Парфенокла, стоит Аполлоний, сын Парфенокла, не исключено, потомок номофилака II в. до н.э. (IOSPE I². 351) и дальний родственник семьи Т.Фл. Парфенокла, о чем говорит его патронимик. Поэтому не случайно, что он занимает в списке булевтов второе место после жреца и первого архонта Т.Фл. Парфенокла.

Проксенический декрет в честь синопейца Гая Валерия... дает нам имена и других представителей херсонесской знати, среди которых можно назвать членов рода Тита Флавия Агеполиса, встречающихся во многих херсонесских декретах II в. В.В. Латы-

³² Соломоник. Греческие надписи... С. 48. № 7.

шев и Э.И. Соломоник составили родословную этой семьи, которая в полном виде выглядит так:

Из членов этого рода знатных херсонеситов под постановление Совета и Народа от 114 (?) г. свою печать поставили Тит Флавий Агеполис, сын Тита Флавия Аристана (стк. 36), стоящий третьим в списке, и Тит Флавий Аристон, сын Тита Флавия Аристана, сына Тита Флавия Агеполиса (сткк. 42–43), занимающий в списке предпоследнюю семнадцатую позицию.

Т.Фл. Агеполис, сын Т.Фл. Аристана, булеет в 114 (?) г., фигурирующий в начале списка «приложивших печать», оставался членом Совета и в 129/130 г., занимая в списке первый ряд. В 130/131 г. он становится первым архонтом, сохраняя за собой место в первом ряду. В том же первом ряду булеетов засвидетельствован он и в надписи IOSPE I². 389, но не как первый архонт, а как немагистрат. Вероятно, эта надпись появилась незадолго до декрета 129/130 г. или же вскоре после 130/131 г., когда по традиции бывший первый архонт сохранял за собой место в первом ряду «поставивших печать». Возможно, он же упомянут и в небольшом фрагменте декрета IOSPE I². 390, но не ясно, какое место в списке он там занимал. Зато доподлинно известно, что в декретах IOSPE I². 360, 361 + 363 = НЭПХ II. 112, 113 он обозначен как секретарь Совета. В таком случае его карьера строилась следующим образом: в 114 (?) г. Т.Фл. Агеполис, сын Т.Фл. Аристана, был просто булеетом, затем стал секретарем буле и какое-то время оставался в этой должности, очевидно, вплоть до 129/130 г., когда его опять ввели в Совет, но на этот раз уже не как магистрата, а булеета в почетном первом ряду. В 130/131 г. он достигает пика своей карьеры, замещая должность первого архонта и соответственно булеета в первом ряду. В дальнейшем он какое-то время сохранял за собой место в первом ряду Совета как бывший первый архонт. Таким образом, порядок продвижения по службе Т.Фл. Агеполиса (б) подтверждает сделанный нами ранее вывод, что надписи НЭПХ II. 112, 113 по времени должны следовать за проксенией Гая Валерия... и предшествовать декретам от 129/130 г. и 130/131 г., поскольку гражданин, бывший в 130/131 г. первым архонтом и булеетом

³³ Latyshev. Op. cit. P. 323; Латышев. Эпиграфические новости... С. 28–31; НЭПХ II. С. 40.

первого ряда, вряд ли мог быть впоследствии понижен до должности простого секретаря Совета, не имевшего даже подчас право ставить печать под постановлением.

Брат Т.Фл. Агеполиса – Т.Фл. Аристон, сын Т.Фл. Аристона (сына Т.Фл. Агеполиса) в 114 (?) г. находился в конце списка приложивших печати, так как лишь начинал свою долгую и успешную государственную карьеру. В IOSPE I². 702 он фигурирует как булевт, но уже во втором ряду. Вместе с ним, но в третьем ряду, упоминается..., сын Фл. Аристона. Если отталкиваться от почетной, как считает В.В. Латышев, надписи под памятником Лаодики, в которой она названа дочерью Т.Фл. Аполлония, сына Т.Фл. Аристона, сестрой Т.Фл. Аристона и Т.Фл. Аттина (IOSPE I². 432), то мы узнаем, что у Т.Фл. Аристона, сына Т.Фл. Аристона, сына Т.Фл. Агеполиса, был либо родной брат Т.Фл. Аполлоний, сын Т.Фл. Аристона, либо единокровный сын³⁴. В таком случае в надписи IOSPE I². 702 в третьем ряду, возможно, упоминается Т.Фл. Аполлоний, сын Т.Фл. Аристона, брат Т.Фл. Аристона, сына Т.Фл. Аристона, ставившего печать во втором ряду. Этот же Аполлоний, может быть, фигурирует и в декрете НЭПХ II. 113 (стк. 13), где его брат Т.Фл. Аристон, сын Т.Фл. Аристона, назван уже в первом ряду булевтов. В тот же год, согласно тому же декрету, секретарем Совета был третий брат Т.Фл. Агеполис, сын Т.Фл. Аристона (см. выше). В декрете IOSPE I². 389 оба брата вместе упоминаются в первом ряду (Т.Фл. Агеполис и Т.Фл. Аристон), а во втором ряду скорее всего следует восстанавливать имя их третьего брата Т.Фл. (Аполлония), сына Т.Фл. Аристона. Как выше указывалось, эту надпись можно отнести ко времени либо незадолго до 129/130 г., либо, что вероятнее всего, вскоре после 130/131 г. В декрете IOSPE I². 361 + 363 + НЭПХ II. 112, который надо датировать непосредственно перед декретом в честь гераклеота Диа... от 129/130 г.³⁵, Т.Фл. Аристон, сын Т.Фл. Аристона, занимает уже первый ряд булевтов как ведущий магистрат полиса – первый архонт. В 129/130 г. он, вероятно, опять был избран на эту должность и потому сохранил место в первом ряду членов Совета. Однако в 130/131 г. Т.Фл. Аристон оставляет должность председателя коллегии архонтов, но по традиции остается булевтом в первом ряду, может быть, вплоть до издания декрета IOSPE I². 389. Таким образом, расцвет карьеры Т.Фл. Аристона, сына Т.Фл. Аристона Агеполида, пришелся на период между 114 г. и приблизительно серединой – концом 130-х годов. Вместе с ним в это время верховные должности в буле занимали два его брата – Т.Фл. Агеполис и Т.Фл. Аполлоний, а в год принятия декрета НЭПХ II. 113, возможно, и его отец, Т.Фл. Аристон, сын Т.Фл. Агеполиса, фигурирующий в первом ряду булевтов. И хотя Э.И. Соломоник склонна считать последнего сыном Т.Фл. Агеполиса (б) (см. таблицу), это все же скорее отец троих братьев, поскольку, как показано выше, надпись НЭПХ II. 113 относится к 120-м годам, а не к середине II в.³⁶ Следовательно, опираясь во многом на помощь отца и братьев, Т.Фл. Аристон прошел путь от простого булевта в конце списка «приложивших печати», затем булевта второго и первого рядов, до первого архонта и «почетного» члена Совета в первом ряду. Так что именно в конце первой – второй четверти II в. члены семьи Т.Фл. Агеполиса (а) активно занимались общественной и государственной деятельностью, замещая в Совете и исполнительной власти Херсонеса верховные должности.

В списке булевтов 114 (?) г. засвидетельствован еще один представитель этой знатной семьи – Т.Фл. Пифодот, бывший в тот год в должности номофилака (стк. 41). Несмотря на то что отчество этого херсонесита не указано, можно быть уверенным, что он упоминается в 129/130 г. под именем Т.Фл. Пифодота, сына Фл. Агеполиса, как булевт в первом ряду и на рубеже 120-х годов как булевт в НЭПХ II. 111. В декрете в честь Гая Кая Евтихиана, принятом, очевидно, позднее перечисленных

³⁴ Об этом см. *Латышев*. Эпиграфические новости... С. 29 сл.; НЭПХ II. С. 40.

³⁵ Э.И. Соломоник датирует декрет НЭПХ II. 112 ок. 140 г. (Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 35. № 27), что ошибочно ввиду неправильно соединенных ею фрагментов (см. выше).

³⁶ НЭПХ II. 113. С. 41; *Соломоник*. Каменная летопись... С. 31. № 30.

выше надписей³⁷ (кроме Аполлонидова декрета 174 г.), в третьем ряду печать поставил «..., сын Пифодота», вероятно, сын названного выше Т.Фл. Пифодота (IOSPE I². 364). В надписи IOSPE I². 701 в числе булевтов второго ряда В.В. Латышев восстанавливает имя «(Т.Фл. Пифодот?), сын Фл. Агеполиса», что вполне возможно, так как эта надпись датируется ранее декрета в честь Диа... 129/130 г., где Фл. Пифодот передвинулся выше в первый ряд. Он не был столь активен на государственной службе, как его племянники из семьи Фл. Агеполиса, однако его сын был в 140–150-х годах секретарем Совета, как о том свидетельствует опубликованный нами фрагмент проксенического декрета³⁸.

Среди булевтов, скрепивших печатью декрет в честь Гая Валерия..., в стк. 38 фигурирует имя другого выдающегося деятеля херсонесского полиса II в. Аристана, сына Аттины. В указанном году он замещал одну из самых низших должностей в государственной иерархии Херсонеса – продика. Хотя она и не сохранилась на камне, ее восстановление там вполне укладывается в соответствующее пространство лакуны, поскольку туда невозможно уместить ни одно личное имя, а продики скрепляли печатями проксенические декреты. В 129/130 г. Аристон, сын Аттины, вероятно, тот же самый гражданин, являлся грамматевсом Совета; однако его полный *cursus honorum* засвидетельствован на постаменте его статуи, возведенной за большие заслуги перед херсонесской общиной (IOSPE I². 423): он имел эпитет «любящий Отечество», в течение шести лет находился в Риме как посол у императора, исполнял должности продика, номофилака, дамиурга, дважды ездил послом на Боспор к царю Реметалку, жречествовал, управлял государственной казной. Его сын Аттина пошел по стопам отца и в 174 г. поставил печать как первый продик в числе булевтов третьего ряда под декретом в честь Т.Авр. Кальпурниана Аполлониды. Аристон и его сын Аттина вряд ли были связаны родственными узами с семьей Т.Фл. Агеполиса (а), так как, во-первых, имена Аристон и Аттина очень распространены в Херсонесе, во-вторых, и отец и сын всегда упоминаются без римских имен Флавиев, что является отличительным признаком всех потомков Т.Фл. Агеполиса (а) и Т.Фл. Аристана (а); в-третьих, в том же Аполлонидовом декрете упоминается Т.Фл. Аристон, которого считают «потомком Понтика»³⁹ или булевтом, не имевшим к Понтику никакого отношения⁴⁰. Если последнее мнение справедливо, то в этом Т.Фл. Аристоне следует видеть Т.Фл. Аристана (в), сына Т.Фл. Аполлония, брата Т.Фл. Аттина и Лаодики. Он же, очевидно, ездил послом в Рим по вопросу о проституционной подати во второй половине II в. (IOSPE I². 404). Поскольку последний везде и всегда имеет римские имена, а Аристон и его сын Аттина их не имеют, следует считать невозможной какую бы то ни было родственную связь между ними. Таким образом, расцвет карьеры Т.Фл. Пифодота и Аристана, сына Аттины, приходится на первую половину II в. Во второй половине столетия на государственную службу пришли уже их сыновья.

В верхней половине списка «приложивших печати» в декрете в честь синопейца Гая Валерия... фигурирует Боиск, сын Героксена, номофилак (стк. 37). Оба имени распространены в Херсонесе и встречаются с разными отчествами, однако с полной уверенностью Боиска, сына Героксена, можно отождествить лишь с одноименным булевтом, приложившим одним из первых печать под декрет НЭПХ II.111, что доказывает хронологическую близость двух надписей. В 129/130 г. во втором ряду бу-

³⁷ Э.И. Соломоник (Каменная летопись... С. 31. № 29) датирует его серединой II в.

³⁸ Сапрыкин С.Ю. Две новые надписи из Херсонеса Таврического // *Акта ТАВ. Serdicae*, 1991. P. 192–194. Т.Фл. Пифодот как грамматевс Совета фигурирует и в датировочной части фрагмента проксенического декрета, найденного в 1984 г. Опубликовавшая его Э.И. Соломоник (Греческие надписи... С. 45. № 4) видит в секретаре Совета Ф(лавия) Пифодора, однако на камне (даже по фотографии) отчетливо читается Φ(λαουλου) или Φ(λαβλου) Πυφoδoтou. Нельзя исключить и то, что его имя фигурирует еще в двух фрагментах надписей (Соломоник. Греческие надписи... С. 48, № 6; с. 50. № 10).

³⁹ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 63.

⁴⁰ Ю.Г. Виноградов (Новое документальное досье... С. 56) вместо слова «потомок» больше склонен читать личное имя «Эпигон, сын Понтика».

левтов стоит имя Героксена, сына Боиска, которого Э.И. Соломоник предположительно считала сыном Боиска из декрета НЭПХ II.111⁴¹. Если это так, то в 114 (?) г. Боиск, сын Героксена, был уже достаточно зрелым гражданином и вскоре на государственную службу заступил его сын Героксен.

Далее в списке упоминается Героксен, сын Хрестиона. Этот патронимик также распространен в Херсонесе: в «номенклатурных» списках он фигурирует чаще всего как отчество Боиска и как имя жреца – «Хрестион, сын Боиска», в декрете 129/130 г., очевидно, сына последнего. Героксен, сын Хрестиона, до сих пор в Херсонесе не встречавшийся, мог быть родным братом Боиска, сына Хрестиона, о котором неоднократно говорится в различных надписях. В эпиграфическом архиве Херсонеса засвидетельствован и Боиск, сын Филомуса (стк. 38): в декрете, опубликованном А.К. Тахтаем, его имя восстанавливается с высшей степенью вероятности, в декрете НЭПХ II. 111 этот херсонесит выступает как обычный булевт. Отсутствие Боиска, сына Филомуса, в числе булевтов 129/130 г. говорит о том, что надписи НЭПХ II.111 и опубликованная Тахтаем должны по времени предшествовать IOSPE I². 359 и появились уже после принятия проксии в честь Гая Валерия...

В стк. 39 упоминается булевт Эвмах, сын Аппы, до сих пор в Херсонесе не встречавшийся. Зато имя «Аппа» засвидетельствовано многократно: это «... сын Аппы» (IOSPE I². 363 = НЭПХ II. 112), причем Э.И. Соломоник ошибочно предлагает здесь читать имя «Героид, сын Аппы», так как она неправильно воссоединила эту надпись с фрагментом, который издал А.К. Тахтай. Поскольку последний фрагмент принадлежит другой надписи, в IOSPE I². 363 = НЭПХ II. 112 вполне возможна конъектура [Ἐῤμαχος] Ἀππα, что находит аналогию в декрете 114 (?) г. в честь синопейца. В херсонесском ономастиконе мы имеем также имя Ἀππας Χρηστίνου (НЭПХ II. 111), носителя которого Э.И. Соломоник считает архонтом, хотя в этом месте текст надписи не сохранился. Возможно, что это сын Хрестиона, сына Аппы, архонта, поставившего печать под декретом в честь синопейца (стк. 39), поскольку, как показывают херсонесские надписи первых веков н.э., декрет НЭПХ II.111 должен укладываться в период между 114 (?) г. и 129/130 г. В декрете в честь гераклеота Диа... встречается имя Пифодора, сына Хрестиона, номофилака, который мог быть либо братом Аппы или Героксена и Боиска Хрестионовых (см. выше), либо их омонимом. Далее в списке «приложивших печати» стоит имя Антония, сына Гераклида, патронимик которого часто присутствует в различных надписях и как личное имя, и как отчество разных лиц (см. IOSPE I². P. 560). Нельзя исключать возможность того, что Луций Антоний Руф, поставивший в 130/131 г. печать во втором ряду булевтов под декретом в честь гераклеота Папия, тождествен Антонию, сыну Гераклида, нашей надписи. Греческое отчество Антония свидетельствует скорее о его эллинском, а не римском происхождении. Римское родовое имя Антоний его предки могли получить вместе с римским гражданством еще во времена Марка Антония, если и не от него самого, то от брата Луция Антония – известного политического деятеля в римской провинции Азия⁴². Не исключено, что Луций Антоний Руф из Херсонеса перебрался в Таврику из этой провинции, и его предки или он сам могли быть вольноотпущенниками Луция Антония Руфа, эпимелета, прокуратора и попечителя строительства храма, посвященного богу Августу, богине Деметре и Римскому Народу в провинции Азия⁴³. Поскольку античные города Северного Причерноморья и Херсонес Таврический в особенности имели весьма тесные отношения с Малой Азией и римскими поддунайскими провинциями, такое переселение в императорскую эпоху вполне вероятно, тем более что для Траяновой эпохи с ее многочисленными войнами на Дунае и на Востоке перемещение больших групп населения восточных районов Империи диктовалось стратегическими и политическими соображениями.

⁴¹ НЭПХ II. С. 29.

⁴² Klebs L. Antonius (23) // RE. 1894. Bd I. Hbd 2. S. 2586: questor pro praetore в Азии в 49 г. до н.э.

⁴³ Rabanal M.A. La provincia romana de Asia Segun. La epigrafia griega. Sevilla, 1974. P. 78. № 706.

Аполлоний, сын Герогита (стк. 40): о популярности имени Аполлоний нет нужды говорить, об этом свидетельствует огромное число надписей (см. IOSPE I². P. 557). Что касается отчества «Герогит», то впервые оно встречается еще в IV в. до н.э. (НЭПХ II. 176) и во II в. до н.э. (IOSPE I². 351: «Аполлодор, сын Герогита»). В НЭПХ II. 111 засвидетельствован «..., сын Герогита», однако с учетом хронологической близости этой надписи и декрета в честь синопейца, здесь возможно восстановить имя «Аполлоний, сын Герогита» и считать, таким образом, обоих Аполлониев одним и тем же лицом.

Примечательно имя архонта Марка Ульпия Ламаха (стк. 40), принадлежавшего к потомственной семье херсонесских «первенствующих», т.е. высших должностных лиц полиса. Ламах, отец Гикии из известной херсонесской легенды, был «венценосцем и первенствующим», как повествует использованная Константином Багрянородным херсонесская хроника, еще в середине I в. до н.э. Он же, вероятно, какое-то время был членом коллегии номофилаков (IOSPE I². 347; 691)⁴⁴. За большие заслуги предков и, возможно, свои собственные его потомок получил от императора Траяна права римского гражданства и величественное имя «Марк Ульпий». Следуя семейной традиции, Ламах начала II в. н.э. исполнял должность архонта – одну из главных в херсонесском полисе.

Имя третьего номофилака, к сожалению, не читается, сохранилось только его отчество «... сын Патерона» (сткк. 41–42). В декрете 129/130 г. упоминается Патерон, сын Асклеиада, архонт. Учитывая редкость имени, можно предположить, что архонт 129/130 г. мог быть либо внуком означенного Патерона (тогда лакуну перед его именем следует заполнить личным именем Асклеиад), либо, вследствие несовместимости количества букв в этом имени с размером лакуны, в декрете 114 (?) г. номофилаком был некий сын Патерона, сына Асклеиада, ставшего архонтом в 129/130 г., что кажется нам более вероятным.

Любопытно имя Юлиан (стк. 42), принадлежавшее, несомненно, гражданину Херсонеса римского происхождения или романизованному греку, что было нередким явлением для эллинских полисов восточных провинций Империи. В декрете IOSPE I². 363 = НЭПХ II. 112 упомянут архонт Юлиан, сын Акилы. В надписи IOSPE I². 576 говорится о каком-то Юлиане, сыне Мирона, однако его херсонесское происхождение неясно. Поэтому скорее всего «Юлиан-булевет» 114 (?) г. и «Юлиан, сын Акилы», архонт в близкой по времени надписи НЭПХ II. 112 = IOSPE I². 363 – одно и то же лицо на разных этапах государственной карьеры⁴⁵. На это указывает присутствие Юлиана в обеих надписях в самом конце списка «приложивших печати».

Наконец, последний из списка булеветов – Антилох, сын Хрестиона (стк. 43). О популярности имени Хрестион речь была выше, не менее распространено было и личное имя Антилох, которое встречается с разными отчествами. В декрете в честь Диа... это Аристон, сын Антилоха, а в декрете в честь Папия – Антилох, сын Антилоха, и тот же Аристон, сын Антилоха (надо полагать, родные братья). Какой-то Антилох упоминается в числе победителей спортивных состязаний (IOSPE I². 434). Возможно, что булеветы 129–131 гг. Аристон и Антилох – на самом деле сыновья Антилоха, сына Хрестиона, члена буле в 114 (?) г. Последний мог приходиться родственником Боиску и Героксену Хрестионовым: может быть, он был даже их братом.

Таким образом, списки «приложивших печати» членов Совета, засвидетельствованные как продатированными декретами, так и многочисленными их фрагментами с несохранившимися датами, показывают, что в конце I–II в. государственные должности и места в Совете занимали представители узкого круга знатных семей херсонеситов, передававших их по наследству от отцов к сыновьям, братьям и сыновьям братьев.

⁴⁴ Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (К достоверности легенды о Гикии) // СА. 1987. № 1. С. 48 сл.; Русяева А.С. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Порфирородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. СПб., 1997. С. 281 сл.

⁴⁵ Возможно, что в стк. 10 декрета НЭПХ II. 111 фигурировал тот же *Ἰουλιανός*, а не *Ἰούλιος*, как предлагает Э.И. Соломоник.

Уже не раз отмечалось, что ведущие магистратуры и места в буле принадлежали представителям трех – четырех фамилий, во главе которых стояли Т.Фл. Парфенокл, Т.Фл. Агеполис, Т.Фл. Насон и, возможно, Т.Фл. Евридам⁴⁶. Все они получили римское гражданство и имена Флавиев еще при Веспасиане или Домициане, когда римляне стали проявлять активность в Северном Причерноморье и стремились поддерживать свое влияние в Херсонесе через наиболее зажиточных граждан этого полиса. Любопытно, что этой чести от Рима удостоились только три или четыре знатных херсонесита, которые поделили впоследствии между собой и своими ближайшими потомками и родственниками основные магистратские должности. Это связано с тем, что в Херсонесе и в его метрополии Гераклея Понтийской изначально существовали три родовые филы знати, дававшие ее представителям право замещать ключевые магистратуры, а также четыре сотни-гекатостии, оплот политических и гражданских прав для широких слоев демоса⁴⁷. Поскольку, как не раз уже отмечалось, три ряда булевтов в херсонесском Совете, имевших право прилагать печать под декретами, и общее количество самих булевтов в декретах согласуется с числом дорийских фил и гекатостий в Гераклея и Херсонесе Таврическом⁴⁸, выделение трех или четырех наиболее знатных и достойных граждан для получения римского гражданства и права передавать ближним государственные должности вполне согласуется с означенным государственно-административным делением в обоих дорийских полисах. Следовательно, в конце I в. н.э. доступ к ведущим должностям и влияние на государственное управление в Херсонесе получили не без участия Рима по одному из наиболее знатных представителей от каждой из фил или сотен-гекатостий. Все это вполне соответствует упоминанию в некоторых херсонесских декретах «граждан по рождению» (IOSPE I². 364. Стк. 23: ἀπὸ γένους πολῆται) и «первых херсонеситов» (Χερσωναῖται οἱ πρῶτοι) в декрете 174 г. в честь Т. Авр. Кальпурниана Аполлониды. В данном случае можно говорить о социальной стратификации херсонесского общества II в., когда его верхушка занимала ведущие позиции в полисе, а демос постоянно находился как бы на вторых ролях⁴⁹.

Такая ситуация напоминает ту, что сложилась в Гераклея Понтийской при олигархическом правлении еще в IV в. до н.э. Согласно Аристотелю, лишь немногие там пользовались почетом, связанным с гражданскими правами. Лица, которые не имели доступа к магистратурам, «поддерживали среди населения брожение до тех пор, пока этот доступ не получили сначала старшие братья, затем и младшие». В результате увеличилось представительство гекатостий в Совете и власть перешла от крайней к умеренной олигархии (Arist. Pol. V. 5. 2)⁵⁰. В Херсонесе та же картина: сначала доступ

⁴⁶ Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сб. в честь П.С. Уваровой. СПб., 1916. С. 12; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М. – Л., 1955. С. 93; НЭПХ II. С. 40 сл.; Соломоник Э.И. Древние надписи. Крыма. Киев. 1988. С. 27 сл.

⁴⁷ Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley – Los Angeles, 1976. P. 45. 125; Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 221; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 35–38.

⁴⁸ Сапрыкин С.Ю. Chersonesos Taurike. New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // The Hellenic Diaspora. V. 1. Amsterdam, 1991. P. 234–237.

⁴⁹ Сувор. Херсонес Таврический. С. 55; Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 84–86. Ср. Свенцицкая И.С. Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. № 3. С. 140. В стк. 26 декрета 174 г. н.э. упоминается σύνψαφον τοῖς ἀρχᾶσιν Χερσων[α]στῶν προέδροις, что В.П. Яйленко переводит как «голосовать вместе с проэдрами изначальных херсонеситов», а Ю.Г. Виноградов – как «иметь равное с исконно существующими проэдрами херсонеситов право голоса». В любом варианте эта фраза свидетельствует о древности института херсонесских проэдров и почетном характере этой магистратуры, которую имели право занимать самые знатные из граждан с родословной, восходящей еще ко времени основания Херсонеса Таврического.

⁵⁰ Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 50; Сапрыкин. Chersonesos Taurike. P. 234 ff.; Фролов. Ук. соч. С. 222–224; Сапрыкин S. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus Before Roman Domination. Amsterdam, 1997. P. 44–49.

к государственному управлению получили лишь представители узкого круга семей (либо от фил, либо от сотен-гекатостий). Это могло впервые произойти еще в 25 г. до н.э., когда в полисе сменился государственный строй, а права и почет получили прежде всего лица, носившие римские имена Гаев Юлиев, очевидно, в честь Августа или даже Юлия Цезаря (IOSPE I². 363, 385, 702; НЭПХ II. 112, 113). Круг знатных херсонеситов, пользовавшихся всей полнотой гражданских прав, постепенно пополнялся, и при Флавиях к нему добавились знатные граждане Парфенокл, Насон, Агеполис, Евридам. При Траяне еще несколько знатных лиц получили права римского гражданства и доступ на государственную службу, например Марк Ульпий Ламах из декрета в честь Гая Валерия..., некий Марк Ульпий..., сын Ульпия... (IOSPE I². 389, 390), Марк Ульпий... (может быть, тот же Ламах?) (НЭПХ II. 112). Параллельно шел процесс подключения к государственной службе сыновей «граждан по рождению» Т.Фл. Парфенокла, Т.Фл. Насона, Т. Фл. Агеполиса, затем их братьев и сыновей, внуков и т.д. Вместе с ними часть мест в Совете и некоторые магистратуры достались гражданам, не облагодетельствованным римским гражданством, но получившим право избирать своих сыновей в буле. Мы согласны с В.П. Яйленко, что в 120–130-х годах некоторые представители «демоса» могли уравнивать в Совете представительство узкого круга «нуворишей»⁵¹. Однако мы не можем согласиться с тем, что деление херсонесского Совета на три ряда (στίχοι) соответствует трехчленному представительству «изначальных» (или «по рождению») херсонеситов, нуворишей и рядовой гражданской массы.

Против этого свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, последовательность продвижения по службе упоминавшихся выше членов Совета, когда булевет начинал карьеру в третьем ряду, затем перемещался во второй ряд и, наконец, заняв должность первого архонта или просто архонта, прочно обосновывался в первом ряду «приложивших печать»; при этом, оставляя должность первого архонта, этот член Совета продолжал какое-то время оставаться в первом ряду «приложивших печать». Такое продвижение по ступеням карьеры было обычным не только для выходцев из среды демоса, но, что в высшей степени показательно, и для членов семей «нуворишей» – Т. Фл. Агеполиса, Т. Фл. Аристора, Т. Фл. Парфенокла, сына Фл. Парфенокла. Во-вторых, некоторые булеветы, поприступовав в одном из рядов, вскоре вообще оставляли буле, уступая место другим. Если бы они постоянно принадлежали к группе лиц, занимавших первый или второй «элитные» ряды, то, согласно логике В.П. Яйленко, они сохраняли бы место в Совете чуть ли не пожизненно. В-третьих, декрет в честь синопейца от 114 (?) г. – это уже второй документ, где вообще отсутствует деление булеветов на ряды (ср. НЭПХ II. 111⁵² и, возможно, 113, хотя Э.И. Соломоник восстанавливает α' στίχῳ в стк. 8). Это должно убедительно свидетельствовать против мнения о постоянном трехчленном делении херсонесской общины на три группы, выделенные В.П. Яйленко. Очевидно, распределение членов херсонесского Совета по рядам и отсутствие этой практики в некоторых случаях вызваны чем-то другим.

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к составу буле Херсонеса по четырем датированным декретам с полными списками «приложивших печати» 114 (?) г., 129/130 г., 130/131 г., 173/174 г. В свое время на основании декретов 129/130 г. и 130/131 г. мы попытались показать, что в соответствии с количеством мегарских ком-гекатостий, коих насчитывалось пять-шесть, и членов различных магистратских коллегий, также в количестве пяти-шести человек, пять архонтов в декрете в честь Диа... и шесть в декрете в честь Папия, совпадая с числом ежегодно сменяемых членов Совета, должны подтверждать членство граждан Херсонеса по гекатостиям. Деление буле на три ряда, как мы предположили, свидетельствует о принадлежности

⁵¹ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 84 сл.

⁵² Эта надпись хронологически ближе всего к публикуемому нами декрету и датируется ок. 120 г. н.э. (см. Соломоник. Каменная летопись... С. 32. № 22).

граждан к филам, а отсутствие рядов указывает на членство по гекатостиям. Такое чередование уравновешивало представительство демоса и знати в полисном Совете⁵³. Данное предположение в той его части, которое касалось демоса, было поддержано В.П. Яйленко⁵⁴, хотя его взгляды на стратификацию херсонесского общества согласно трем рядам булевтов кардинально расходятся с нашими. Решительным же противником нашей точки зрения выступил Ю.Г. Виноградов. Не отрицая существования в Херсонесе трех дорийских фил, он тем не менее считает, что на основании Аполлонидова декрета, в котором общее число булевтов, распределенных по трем рядам, составляет 26 человек, нельзя говорить о равном представительстве в Совете трех дорийских фил⁵⁵. Однако мы столь категорично не утверждали о таком представительстве, но стремились лишь доказать, что в Херсонесе на определенном этапе можно наблюдать как избрание булевтов (а значит, и членство граждан вообще) по филам, так и по гекатостиям. Декреты 174 г. и в честь Гая Валерия... заставляют уточнить и конкретизировать высказанные ранее положения, в том числе и исходившие от наших оппонентов.

Следует сразу оговорить, что при всех подсчетах общего количества «приложивших печать» булевтов следует непременно включать в их число и главную богиню Херсонеса Деву, которая после реформы государственного строя (или всего лишь введения нового летоисчисления) в 25 г. до н.э. стала верховным эпонимом и постоянным «почетным» членом буле, открывая собой список «приложивших печати». Естественно, что печать за нее ставил жрец, который, кстати, в декрете 129/130 г. свою собственную печать не прилагал. С учетом этого в декретах 114 (?) г., 129/130 г., 130/131 г. общее количество членов Совета – соответственно 18, 24, 24 – остается кратным трем, т.е. совпадает с числом фил и сотен в Херсонесе (три и шесть, а в двух случаях и четыре, если отталкиваться от того, что было в Геракле Понтийской). Что касается Аполлонидова декрета, то здесь картина сложнее: если считать, что в сткк. 36–37 упоминается Т. Фл. Аристон, потомок Понтика (см. выше), то общее число булевтов, которые поставили печать под декретом, составит 24, т.е. будет кратным трем, как в декретах 129/130 и 130/131 гг. (в декрете 174 г. четко различается, что «приложили печати» – ἐσφραγίσαιτο 24 булевта, а секретарь Совета всего лишь «подписал» – ὑπέγραψεν декрет, т.е. печать он не прилагал)⁵⁶. Ситуация, когда секретарь выводится за пределы списка τῶν σφραγισατέων, совпадает с декретом в честь Папия, когда из списка был выведен жрец, и коррелирует с декретом в честь Гая Валерия..., когда секретарь вообще не подписывал и не прилагал печать. Практика, когда одни ставят печать под декретами в Совете, а другие только подписываются под ними, не является такой уж редкостью. Примеры подобных случаев приводит П.Дж. Родс: он считает, что лица, скреплявшие печатями и подписывавшие декреты, – это те, кто присутствовал при их составлении. Члены фратрий или буле, участвовавшие в написании декретов, составляли группу γραφομέων парῆσαν, которую Родс сравнивает с римской процедурой прохождения документов в Сенате – scribendum adfuerunt. В одном из декретов Эфеса двое или более магистратов, из которых один был стратегом, «подписали» (ὑπέγραψα) декрет (IK 1392); в Миласе трое жрецов-архонтов также ὑπέγραψα декрет (IK 522: II–III вв.); однако наиболее показательна ситуация во фригийском городке Оркистус, где трое архонтов (один из них первый архонт) поставили печать под декретом, а секретарь Совета, как и в

⁵³ Сапрыкин С.Ю. Херсонесская буле // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988. С. 97–99; *он же*. Херсонесская буле // Археология. 1995. № 1. С. 75–81.

⁵⁴ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 83–85.

⁵⁵ Виноградов. Дорийские филы... С. 61–66; *он же*. Новое документальное досье... С. 59.

⁵⁶ В первой публикации декрета 174 г. ошибочно указано, что единственный номофилак в третьем ряду выведен за его пределы и не прилагал печать, всего лишь «подписав» (ὑπέγραψεν) документ вместе с секретарем Совета (Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 85). На самом деле номофилак входил в число тех, кто поставил свою печать, а подписал декрет только грамматевс буле (Виноградов. Новое документальное досье... С. 56).

Херсонесе при прохождении декрета в честь Кальпурниана Аполлониды, всего лишь «подписал» (ὑπέγραψα) документ⁵⁷.

Предположение Родса перекликается с гипотезой Л.А. Пальцевой относительно состава херсонесского Совета. По ее мнению, поддержанному Ю.Г. Виноградовым, херсонесские декреты подписывались, точнее скреплялись печатями, не всеми булевтами, а только теми, кто в данный момент присутствовал на заседании⁵⁸. Этим объясняется якобы неполный список булевтов в ряде декретов и разные числа членов магистратских коллегий. На этом основании будто бы нельзя делать подсчеты о количестве членов Совета по спискам τῶν σφραγισαμένων, так как они всегда будут неточными вследствие возможного отсутствия одного или ряда булевтов по важным государственным делам (поездки, переговоры, болезни и т.п.).

Между тем предложенная гипотеза не устраняет вопроса, почему некоторые должностные лица из числа γραφομένων παρῆσαν выводились за пределы списка «поставивших печать». Ведь согласно логике ее авторов, эти лица как раз и должны были составлять основу γραφομένων παρῆσαν или римской scribendum adfuerunt. Тем более что при составлении декретов: в честь Гая Валерия... – секретарь Совета, в честь Папия – жрец богини Девы и в честь Кальпурниана – секретарь, – эти магистраты присутствовали и заседали вместе с булевтами, которые «поставили печати». Причину разделения процедур σφραγισαμένων и ὑπογραφομένων надо, видимо, искать в ином: очевидно, общий состав Совета в количественном отношении был больше, чем число лиц, которые скрепляли печатями подлинность его решений. В том случае, если кто-либо из булевтов выбывал на какое-то время, его заменяли другие члены, причем независимо от тех фил, которые они представляли. Вот почему в некоторых случаях число булевтов в каждом из трех рядов (στίχοι), списки которых составлялись согласно делению дорийских полисов на три филы, повторявшие традиционные дорийские филы Гиманов, Памфилов и Гиллеев, различное и не является равным, как должно было бы быть, если бы Совет состоял только из присутствовавших на заседании. По всей видимости, отсутствие членов компенсировалось за счет варьирования количества булевтов и магистратов по рядам, и такая процедура всегда давала в конечном итоге общую цифру членов буле или ее верхушки, кратную трем или четырем, т.е. общему числу фил и сотен в полисе. Когда число тех, кто скреплял декрет печатями, превышало цифру, кратную общему числу фил и сотен-гекатостий, то тогда одно из должностных лиц буле, как правило секретарь, либо вообще выводилось из списка тех, кто ἐσφραγισαίτο, либо получало право ставить всего лишь свою подпись под принятым постановлением.

Если вернуться к декрету в честь Кальпурниана Аполлониды и предположить, что в сткк. 36–37 назван Эпигон, сын Понтика, то количество булевтов будет равно 25⁵⁹. Это число кратно 5 и соответствует пяти комам-гекатостиям в Мегарах и общему количеству архонтов в декрете в честь Диа... Тогда деление по рядам будет в первом случае (если читать «Г. Фл. Аристон, потомок Понтика») 12 : 8 : 4, а во втором (если вычитывать личное имя «Эпигон, сын Понтика») – 12 : 9 : 4, а в декретах в честь Папия, сына Гераклеона, и Диа..., сына Деметрия – 7 : 8 : 9. При этом мы исходим не из текста, опубликованного В.П. Яйленко, а из уточненного и исправленного его варианта, предложенного Ю.Г. Виноградовым. Все эти числа, за исключением 7, кратны 2 × 3 × 4 или 2 × 3 × 4 × 6, что в совокупности с числом 5 от общего числа членов Совета в 174 г., поставивших печать, явно соотносится с общим количеством фил и сотен (3-мя филами, 4-мя или 6-ю сотнями-гекатостиями в Гераклее Понтийской, 5-ю или 6-ю (в разное время) комами-гекатостиями в Мегарах) и количеством архонтов и номофилаков в Херсонесе

⁵⁷ Rhods. Op. cit. P. 556 f.

⁵⁸ Пальцева Л.А. О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н.э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 181; Виноградов. Дорийские филы... С. 63.

⁵⁹ Ср., например, Гайдукевич. Ук. соч. С. 93.

Таврическом. Из этого следует, что в Совет херсонесского полиса избирали как по филам, так и по гекатостиям, однако распределение членов и порядок продвижения по ступеням карьеры в самом буле уже не соответствовал этому архаичному полисному делению.

Действительно, пять архонтов в 129/130 г. и шесть архонтов в 130/131 г. согласуются с традиционным для Мегар и их колоний делением на 5–6 сотен⁶⁰, при этом ряды булевтов, сообразно тому как последние рассаживались в Совете и прилагали печати, в соответствующих декретах указывались. В то же время три номофилака в составе членов буле соответствуют традиционному делению полиса (и Совета) на три ряда, что явно восходит к классическому и эллинистическому времени, когда номофилаков избирали по филам⁶¹, но все они сконцентрированы в третьем ряду. Последнее обстоятельство говорит против того, что занимаемое булевтом в Совете место было получено им в результате избрания по филам. В декретах 114 (?) г. и 174 г. три архонта попали в Совет явно согласно делению граждан полиса по филам, но в первом декрете ряды отсутствуют, а во втором архонты распределяются строго по трем рядам⁶². В декрете 129/130 г. первый архонт попал в первый ряд, четыре остальных – в третий ряд. Следовательно, распределение по рядам не всегда зависело от их избрания по филам, их место в буле обуславливалось знатностью происхождения и важностью занимаемой должности. В декрете НЭПХ II. 111, в котором деление на три ряда не засвидетельствовано, Э.И. Соломоник насчитывает пять архонтов, три номофилака, одного продика, что может служить доказательством несоответствия количества избранных в буле магистратов делению его на ряды согласно филам. Даже в декрете в честь Папия 130/131 г. шесть архонтов распределены по рядам неравномерно, что явно не согласуется с утверждением, что присутствие в каждом из рядов по одному архонту соответствует социальной природе этих рядов⁶³. Здесь мы скорее сталкиваемся с картиной, когда пережитки традиционного для дорийских полисов деления на филы и гекатостии накладывали отпечаток на государственный строй полиса, а верховный орган власти – Совет, неоднократно реформированный на протяжении столетий, уже не следовал в своей структуре строгому делению общества на филы и гекатостии, о чем лишний раз может свидетельствовать присутствие в некоторых декретах только одного продика и одного-двух номофилаков. Поэтому ряды (στῆλαι) были пережитком древнего полисного деления на филы, которые, видимо, еще могли существовать, но решающей роли в государственном управлении Херсонеса уже не играли. То же можно сказать и о сотнях: они продолжали функционировать, но, как и филы, не оказывали серьезного влияния на структуру херсонесского Совета. Таким образом, херсонесская буле – это орган власти, в котором сконцентрировались традиции деления дорийцев на филы и сотни, но в управлении гражданской общиной они уже не играли той большой роли, которая была характерна для них в ранний период истории Херсонеса, как и его метрополии Гераклеи Понтийской. Отсюда проистекает и чередование деления булевтов на ряды с отсутствием их в некоторых документах, т.е. порядок рядов не влиял на принятие решений в Совете. Это позволяет охарактеризовать социальный строй Херсонеса Таврического во II в. как умеренную олигархию, ибо структура государственного

⁶⁰ Hanell. Op. cit. S. 138; Highberger E.L. The History and Civilization of Ancient Megara. Baltimore, 1927. P. 99; Латышев В.В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1884. Июнь. С. 48; Новицова Р.А. Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического и родственных ему городов // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М. – Л., 1964. С. 192 сл.

⁶¹ Суров. Новая херсонесская надпись. С. 156–158; Новицова Р.А. Симмнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического // ВДИ. 1961. № 2. С. 102–108; Кидеев В.И. К вопросу о составе херсонесского Совета в первых веках н.э. // ВДИ. 1971. № 3. С. 128; он же. Херсонес Таврический... С. 65, 73–75; ср. Латышев. Эпиграфические данные... С. 70.

⁶² Об этом подробнее см. Кидеев. Херсонес Таврический... С. 65, 73–75.

⁶³ Антонова, Яйленко. Ук. соч. С. 84 сл.

управления и замещения должностей согласуется с тем, о чем писал еще Аристотель применительно к Гераклею Понтийской.

Доступные нам источники свидетельствуют, что в первой четверти II в. в херсонесском Совете отсутствовало деление на ряды (НЭПХ II. 111 и публикуемый декрет). Однако на рубеже или в середине 120-х годов структура буле была преобразована, и ее члены стали распределяться по трем рядам, фигурировавшим в декретах с завидным постоянством как минимум до 174 г. С чем связана такая реорганизация, судить не беремся, но в качестве возможной гипотезы выскажем предположение, что это могло стать результатом подчинения Херсонеса боспорскому царю Котису II при Адриане (SC. I. P. 512) и потери им остатков полисной независимости, основывавшейся на демократических традициях. Вследствие почти полного перехода города под власть Боспора там усилились олигархические тенденции, что повлекло за собой рост влияния знати в системе государственного управления и в общественной жизни. Это привело к возрождению элементов деления общества на филы, что отразилось на структуре херсонесского Совета, объединявшего булевтов согласно трем рядам – пережитку той роли, которую играли филы на ранней стадии формирования органов управления полиса. Тем не менее это мало сказывалось на принятии государственных решений, которое во многом еще зависело от избрания некоторых магистратов от сотен-гекатостий, где по-прежнему преобладало влияние демоса.

Практика избрания на магистратские должности, а также в Совет по филам и их подразделениям – демам (аналогу дорийским гекатостиям-сотням) прослеживается и в других эллинических городах. В Стратоникее Карийской, например, в посвящении Гекате Спасительнице упоминаются пять пританов из одной филы: в то же время в Совете полиса было от 67 до 201 членов, представителей от 20 фил в соответствии с количеством составлявших их демов. Секретарь Совета являлся как бы дополнительным членом (*extra person*), исполнявшим должность в течение года, а не полгода, как остальные булевты⁶⁴. Это немного напоминает ситуацию с секретарем херсонесского Совета, также подчас выпадавшим из списка «приложивших печати» булевтов, очевидно, вследствие избрания его «народом», а не по филам или сотням, подобно входившим в Совет другим магистратам. Это лишний раз указывает на снижение влияния фил и гекатостий в системе государственной власти в херсонесском полисе.

Заслуживает интереса предводительство в верховных органах полисной власти в Прусиаде на Гиппии (Киере), некогда входившей во владения Гераклеи Понтийской. Почетные надписи в этом городе визировались двумя представителями от каждой из 12 фил, на основании чего можно заключить, что городская буле или ее руководящая верхушка могла состоять из 24 человек – представителей фил⁶⁵. Считается также, что это могли быть филархи⁶⁶. Поскольку Киер (Прусиада на Гиппии), как и Херсонес Таврический, напрямую связан с Гераклеей Понтийской, совпадение в ряде декретов количества булевтов (по 24), подтверждавших подлинность документов в Совете каждого из двух городов, видимо, не случайно. Очевидно, и в Киере, и в Херсонесе в буле избирали либо согласно делению на филы, либо по их подразделениям: демам, фратриям или гекатостиям. Но в римскую эпоху это уже было данью традиции, поскольку в Прусиаде на Гиппии количество фил по сравнению с классической эпохой увеличилось вчетверо (что само по себе также знаменательно, ибо в Гераклею было, как известно, четыре основных гекатостий)⁶⁷. Не исключено, что рост числа фил

⁶⁴ Çetin Şahin M. The Political and Religious Structure in the Territory of Stratonikeia in Caria. Ankara, 1976. P. 39–43.

⁶⁵ Mendel G. Inscriptions de Bithynie // BCH. 1901. P. 63–70, № 207–210. Cp. Mordtmann J. // AM. 1887. 12. S. 174 = IGR III. 67; Hirschfeld G. Inschriften aus dem Norden Kleinasien // Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss. zu Berlin. 1888. Hlbd 2. S. 869. № 1 = IGR III. 68; Ameling W. Inschriften von Prusias ad Hypium (IK 27), № 1.

⁶⁶ Perrot G., Guillaume E., Delbet J. Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie. Hildesheim – Zürich – New York, 1983. P. 33–34. № 22.

⁶⁷ Burstein. Op. cit. P. 21.

происходил за счет упразднения или снижения влияния гекатостий, соотношение которых с филами в классическую и эллинистическую эпохи, как и в Гераклею, было 3 × 4.

Проксенический декрет в честь синопейца Гая Валерия... является новым доказательством тесных и оживленных связей Херсонеса Таврического с Южным Причерноморьем в первые века нашей эры. Еще во II в. до н.э., когда город стремился найти себе покровителей в лице царей Понтийского государства, были даны проксении гражданам Синопы Менофилу, сыну Менофила (IOSPE I². 351), и полководцу Митридата VI Евпатора Диофанту, сыну Асклепиодора (IOSPE I². 352). Однако наибольшее число проксений было предоставлено выходцам из южнопонтийских полисов в начале нашей эры: гераклеотам Фрасимеду, сыну Фрасимеда (IOSPE I². 357), Диа..., сыну Деметрия (IOSPE I². 359), Папию, сыну Гераклеона⁶⁸, был также принят декрет в честь «благочестивейших отцов гераклеотов», добившихся в 140-х годах полной элевтерии Херсонеса от Боспорского царства (IOSPE I². 362)⁶⁹, синопскому навклеру Гаю Каю Евтихиану (IOSPE I². 364), амастрийскому гражданину Фарнаку, сыну Фарнака (IOSPE I². 358), синопейцу Л. Корнелию Понтиану (НЭПХ I. 7). Мы предполагаем также проксений, данной в Тиосе херсонесскому архиерею..., сыну Папия (НЭПХ. I. 13), и сведениями о связях Херсонеса с Амисом (НЭПХ II. 110). Таким образом, основная часть проксений римского времени принадлежит гераклеотам (4) и синопейцам (3), при этом почти все они датируются первой половиной, точнее первой – началом второй четверти II в.

В это время греческие полисы Южного Причерноморья испытывали очередной подъем экономики и рост торговли, что должно было сказаться на активизации их связей с Херсонесом, тем более что такие же активные контакты Синопа и Гераклея имели в это время с Ольвией и Боспором⁷⁰. Изучая херсонесские проксении, А.И. Тюменев пришел к выводу, что предоставление проксенических привилегий гражданам различных городов в римское время было продиктовано не столько торговыми, сколько политическими интересами⁷¹. Политические функции проксении усилились еще в эллинистическое время, при этом в обращении к какому-либо функционеру, наделенному административной властью, через предоставление ему проксении виделось стремление наладить связи с самим царем или династом. Политическое значение института проксении состоит в том, что таким путем устанавливались личные отношения с государствами и влиятельными людьми, это своего рода дипломатический и политический акт, выражавший тенденцию к влиянию и установлению союза с другим государством или объединением государств⁷². Проксенов часто использовали как послов, а также лиц, которые могли служить политическим и коммерческим интересам того государства, которое дало проксению⁷³. Политическая функция проксении проявилась уже в эпоху архаики и классики, а в римское время она сохранялась, при этом проксения приобретала все более почетный характер⁷⁴. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что принятие Херсонесом

⁶⁸ Суров. Новая херсонесская надпись. С. 154–158.

⁶⁹ Кадева. Херсонес Таврический... С. 31; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 38–43.

⁷⁰ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. – Л., 1956. С. 349–351; о торговле Херсонеса с Южным Причерноморьем во II в. н.э. см. Кадева В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. Харьков, 1989. С. 45; о торговле с Боспором см. Зеест И.Б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2. С. 106 сл.

⁷¹ Тюменев А.И. Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксении // ВДИ. 1960. № 3. С. 154–158.

⁷² Perlman S. A Note on the Political Implications of Proxenia in the IVth Century B.C. // CQ. 1958. 8. P. 185–191; Marek Ch. Die Proxenie. Frankfurt am Main – Bern – New York, 1984. S. 335, 355.

⁷³ Walbank M. Athenians' Proxeny of the Fifth Century B.C. Toronto, 1978. P. 3 f.

⁷⁴ Klaffenbach G. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957. S. 81–84; Wallace M.B. Early Greek Proxeny // Phoenix. 1970. 24. P. 189–208. Cf. Gschnitzer F. Proxenos // RE. 1974. Suppl. XIII.

проксенических декретов в честь граждан южнопонтийских городов связано с особой ролью этих полисов в причерноморском регионе.

Во II–III вв. ряд крупных городов Южного Понта объединились в союз-койнон городов Понта. В римскую эпоху подобные союзы имели обычно культовый характер, поскольку их члены совместно отправляли культ Ромы и римского императора. Один из городов союза поочередно становился блюстителем храма этого культа и следил, как при нем совершались различные религиозно-политические празднества. Синопа и Гераклея являлись активными членами «койнон Понта», поскольку в надписях Синопы часто встречается должность понтарха – главного жреца культа императоров в провинции Вифиния-Понт, религиозного руководителя *κοινὸν τῶν ἐν Πόντῳ πόλεωσιν*. Принято считать, что столицей этого союза была Гераклея Понтийская, носившая титул неокоры, т.е. храмоблюстительницы; она называлась также «метрополией городов Понта», т.е. столицей койнона 10 южнопонтийских полисов, ко всему прочему ее называли *θεόκτιστος* – «богооснованной»⁷⁵, намекая, очевидно, на то, что ее официальным ктисом считался Геракл. Именно главенствующая роль в союзе позволила гераклеотам хлопотать перед Антонином Пием о предоставлении элевтерии Херсонесу. Поскольку большая часть почетных проксенических декретов херсонеситов относится к первой половине II в. и связана с привилегиями выходцам из Гераклеи, Синопы, Амастрии – городов, входивших в «койнон Понта», мы вряд ли будем далеки от истины, если выскажем убеждение, что проксении полисы союза с целью добиться благосклонности римских властей провинции Вифиния-Понт, а может быть, и самого императора. Это было необходимо Херсонесу для скорейшего освобождения от симмахии с Боспором, все более и более превращавшейся в зависимость более слабого Херсонеса от более могущественного Боспора.

Не исключена и другая возможность. Как известно, боспорский царь Савромат I, проводивший активную политику в Таврике и не обходивший своим вниманием Херсонес⁷⁶, имел весьма близкие и дружеские связи с наместниками провинции Вифиния-Понт и даже самим императором⁷⁷. Поэтому, желая сохранить расположение Боспора, особенно перед лицом угрозы со стороны аланов, но в то же время добиться от него большей самостоятельности, херсонеситы стали активно налаживать связи с ведущими городами провинции, имевшими вес в Риме и могущими повлиять на римские власти, чтобы склонить Савромата I и его преемников установить с Херсонесом более мягкие отношения, т.е. опять-таки признать его самостоятельность во внешней политике.

К сожалению, установить ближе личность херсонесского проксена из Синопы Гая Валерия... не удалось. Среди выходцев из Синопы, имевших подобные имена, под 248 г. н.э. засвидетельствован *Οὐαλέριος Ἐκλεκτός Σινυπεύς*, булеут и атлет, весьма влиятельный в этом городе человек⁷⁸. Однако его деятельность в Синопе в III в. н.э. не позволяет отождествлять его с херсонесским проксеном 114 (?) г., хотя и не исключено, что это могли быть родственники. Можно предположить, что Гай Валерий... мог быть вольноотпущенником консулара 107 г. Валерия Паулина, получившим все права римского гражданина и пользовавшимся латинским правом. Об этом сохра-

⁷⁵ Ср. IGR III. 79, 87, 90. См. также *Robert L. Études anatoliennes*. Amsterdam, 1970. P. 245–251; ср. КБН. 59: Ἡρακλεώτης τοῦ Πόντου καὶ νεοκόρου; WBR. I. 2. P. 380. № 231–236; P. 381. № 238–246: ἩΡΑΚΛΗΑΣ ΝΕΟΚΟΡΟΥ ΜΑΤΡΟΣ ΠΟΛΙΩΝ, ΗΡΑΚΛΕΩΤΑΝ ΜΑΤΡΟΠΟΛΕΙΤΑΝ ΠΟΝΤΩ. Подробнее см. *Максимова*. Ук. соч. С. 370 сл.; *Mitchell S. Anatolia*. V. I. Oxf., 1993. P. 116.

⁷⁶ Об этом говорится в неопубликованной надгробной речи в честь одного из приближенных царя Савромата I из Пантикапея: *Vinogradov Ju. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast. The Caucasus and Central Asia // Ancient Civilizations*. 1994. V. 1. № 1. P. 73 f.

⁷⁷ *Ситрыкин С.Ю.* Царь Савромат I Боспорский // *Античность: история и историки*. Казань, 1997. С. 89–94; *он же*. Плиний Младший и Северное Причерноморье // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 202 сл.

⁷⁸ *Robinson D.M. Ancient Sinope // AJPh*. 1906. 27. 2. P. 261, 273; *idem*. *Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs // AJA*. 1905. IX. 3. № 89 = IG = CIA III. 1. 129.

Рис. 1. Проксенический декрет херсонесцев в честь Гая Валерия..., гражданина Синопы. Начало II в. н.э.

a

Рис. 2а. – Детали плиты с текстом декрета: а) верхняя часть

б

Рис. 26 – нижняя часть

в

Рис. 2в – средняя часть

нилось упоминание в одном из писем Плиния Младшего к Траяну, где говорится также, что троим из отпущенников Паулина следовало бы дать квинритское право; здесь же называются их имена – Валерий Астрей, Валерий Дионисий и Валерий Апри (Plin. Epist. 104, 105; PIR III. P. 353, № 28, 29; P. 381). Вполне вероятно, что один из названных выше вольноотпущенников, ставших полными римскими гражданами, благодаря стараниям наместника провинции Вифиния-Понт Плиния Младшего, впоследствии достиг определенного положения и поселился в Синопе, одном из главных городов провинции. Поскольку полторы, а значит и херсонеситы, имели тесные связи с Плинием Младшим⁷⁹, они могли поддерживать контакты с одним из его протеже уже после смерти наместника провинции в 110/111 г.

Таким образом новая проксения в честь синопского гражданина Гая Валерия... дает дополнительные важные сведения как о государственных установлениях Херсонеса, так и о его внешнеполитическом положении в первой половине II в. К тому же она позволяет уточнить датировку ряда декретов и их фрагментов, проследить этапы государственной карьеры некоторых известных граждан Херсонеса, сконцентрировавшихся в своих руках рычаги управления в полисе.

THE CHERSONESUS PROXENIA OF A SINOPEAN

S.Yu. Saprykin

The author publishes a proxenic decree edited between A.D. 106/7–113/4 in Tauric Chersonesus in honour of Gaius Valerius..., a Sinope citizen, apparently a Roman or romanized Greek. The inscription was found in 1981 during the excavations at Chersonesus led by the expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences headed by S.A. Beljaev. It is the fifth dated decree from Chersonesus of the II c. A.D. The decree states that the honoured person had good reputation in the city, for he had respectable business and demonstrated excellent attitude towards the citizens of Chersonesus. Enacting clauses are the most interesting part of the decree: it was edited in the time of the priest Titus Flavius Parthenocles, son of Titus Flavius Parthenocles and of the secretary of the Council Titus Flavius Parthenocles, son of Flavius Naso.

In the list of «persons sealing the decree», rather traditional for such kind of documents, there is no usual division of members of the Council into three ranks. The list mentions three archonts headed by the First Archont, three nomophylakes and a prodikos (?). All in all the list includes 18 members of the Council, the secretary being put out of the list of «persons sealing the decree».

Among the members of the Council there are some names which belonged to the statesmen of Chersonesus of the first half of the II c. A.D., known from some other inscriptions. Comparing various decrees one can reconstruct in detail the careers of such statesmen as T. Fl. Parthenocles, T. Fl. Ariston and T. Fl. Agepolis. Though there is not any explicit division of the members of the Council into three ranks, the number of «persons who sealed the decree» is divisible into three; this fact is indicative of the preservation of a division of the Council, and correspondingly, of the citizens of the polis according to the phyles. At the same time this absence of explicit division of the Council members into three ranks indicates that the election to the Council could take place according not to the phyles, but to «hundreds» – hecatostyes. The inscription confirms the fact that the supreme power in Chersonesus was kept by rather a small group of wealthy people, who in the first half of the II c. A.D. divided almost all main polis magistracies among themselves. The analysis of relationship ties and the stages of state career of the personalities, mentioned in the inscription, enables us to describe the state system of Chersonesus as a moderate oligarchy. The heads of the families which provided the most influential magistrates and Council members, were supported by the Romans.

Proxenia in honour of a Sinopean is in full accord with series of decrees edited in honour of citizens of the cities of the Southern Pontus – Amastria, Sinope, Heraclea, Amisus. These decrees indicate active ties of Chersonesus with that region and the province of Bithynia–Pontus where most of the cities belonged. During that period Chersonesus tried to diminish its dependence upon Bosphorus and looked for support from Greek poleis of the Southern Pontus; some citizens of these cities had close relations with Roman governors in the province and the highest officials in Rome. The decree probably was edited in honour of a retainer of Pliny the Younger, a freeman of Gaius Valerius Paulinus, who had received a Roman surname, the gentilicium of his patron and settled in Sinope.

⁷⁹ *Сапрыкин. Плиний Младший... С. 198 сл.*